

Ким

Автор:

Редьярд Киплинг

Ким

Редьярд Джозеф Киплинг

«Несмотря на запрещение городской управы, он сидел верхом на пушке Зам-Заммах, стоявшей на глиняном постаменте против Аджайб-Гера, Дома Чудес, как называют Лагорский музей. Тот, кто владеет Зам-Заммахом, этим «извергающим огонь драконом», владеет Пенджабом. Большое орудие из позеленевшей бронзы всегда бывает первой добычей победителя...»

Редьярд Киплинг

Ким

* * *

Глава первая

О, вы, идущие тернистым

Путем ко славе в день суда,

Сочувствуйте молениям чистым

Язычника, чей Бог – Будда.

Несмотря на запрещение городской управы, он сидел верхом на пушке Зам-Заммах, стоявшей на глиняном постаменте против Аджайб-Гера, Дома Чудес, как называют Лагорский музей. Тот, кто владеет Зам-Заммахом, этим «извергающим огонь драконом», владеет Пенджабом. Большое орудие из позеленевшей бронзы всегда бывает первой добычей победителя.

Кима можно было оправдать до известной степени – он только что согнал с пушки мальчика Лалы Динаната – ведь Пенджаб находился во власти англичан, а Ким был англичанин. Хотя он был смугл, как любой туземец; хотя он предпочитал говорить на местном наречии, произнося слова как-то монотонно и певуче; хотя дружил с мальчиками на базаре – Ким был белый, беднейший из бедных белых. Женщина смешанной касты, присматривавшая за ним (она курила опиум и делала вид, что держит лавочку подержанной утвари у сквера, где стояли дешевые кэбы), рассказывала миссионерам, что она сестра матери Кима; его мать была нянькой в семье одного полковника и вышла замуж за Кимбалля О'Хара, сержанта Меверикского ирландского полка. Впоследствии он получил место на Синдо-Пенджабо-Делийской железной дороге, и его полк вернулся без него. Жена умерла от холеры в Ферозепоре, и О'Хара стал пить и шататься по линии с трехлетним ребенком, у которого были смысленные глазки. Различные общества и капелланы усердно старались захватить ребенка в свои руки, опасаясь за его участь, но О'Хара ловко ускользал от них, пока не встретился с женщиной, курившей опиум; от нее он научился любить опиум и умер, как умирают белые бедняки в Индии. После смерти у него осталось имущество, состоявшее из трех бумаг – одну из них он называл «*ne varietur*», потому что эти слова были написаны под его подписью на бумаге, а другую – «чистой отставкой». Третья бумага была свидетельством о рождении Кима. «Эти вещи, – говаривал он в свои счастливые часы после курения опиума, – сделают человека из маленького Кимбалля». Ким не должен был ни под каким видом расставаться с этими бумагами, потому что они составляли орудие волшебства, магии – той магии, в которой упражняются люди, вон там, за музеем, в большом белом с синим доме «Джаду Гер», Волшебном доме. Он говорил, что со временем все обойдется, и Ким вознесется среди громадных колонн, полных красоты и силы. Сам полковник, красующийся на коне во главе лучшего полка в мире, позаботится о Киме – маленьком Киме, которому должно житься лучше, чем его отцу. Девятьсот перворазрядных дьяволов, главой которых является Красный

Бык на зеленом поле, будут заботиться о Киме, если они не забыли О'Хару, бывшего главного надсмотрщика на Ферозепорской линии. После этих слов он горько плакал, сидя на камышовом стуле на веранде. Когда он умер, женщина зашила пергамент, бумагу и свидетельство о рождении в кожаный чехольчик, который повесила, как амулет, на шею Киму.

– И когда-нибудь, – сказала она, смутно припоминая пророчество О'Хары, – к тебе придет большой Красный Бык на зеленом поле, и явится полковник на большом коне, и – переходя на английский язык – девятьсот дьяволов!

– А! – сказал Ким. – Буду помнить. Красный Бык и полковник на лошади явятся, но прежде, говорил отец, придут двое людей, которые расчистят путь для этого. Отец говорил, что они всегда поступают так и что это всегда бывает, когда люди занимаются волшебством.

Если бы женщина послала Кима с бумагами в какое-нибудь местное учреждение, его, конечно, взяла бы какая-нибудь провинциальная ложа и отослала в сиротский масонский приют в горах; но она не доверяла магии. У Кима также были свои воззрения. Когда он подрос, он научился избегать миссионеров и белых людей серьезного вида, которые расспрашивали его, кто он и что он делает, потому что Ким с громадным успехом ничего не делал. Правда, он знал чудесный, обнесенный стенами город Лагор от Делийских ворот до наружного форта Дич, был коротко знаком с людьми, которые вели такую странную жизнь, о которой не мечтал и Гарун аль-Рашид, и сам жил дикой жизнью, словно действующее лицо арабских сказок, но миссионеры и секретари благотворительных обществ не понимали красоты этой жизни. Среди гарнизона он был известен под прозвищем «Маленький Всеобщий Друг»; гибкий и незаметный, он исполнял поручения хитрых, блестящих молодых франтов, пробираясь по крышам домов, переполненных народом. Конечно, это все были интрижки – он знал это, как знал все дурное с тех пор, как начал говорить, – но он любил эту игру ради нее самой, любил красться по темным оврагам и переулкам, карабкаться по водосточным трубам, любил видеть и слышать женщин на плоских кровлях, любил бешеные скачки с крыши на крышу под покровом жаркой, темной ночи.

Интересовали его и набожные люди – перепачканные пеплом факиры у своих кирпичных алтарей на речном берегу. Ким был очень хорошо знаком с ними; он встречал их, когда они возвращались после своих странствований за милостыней, и ел с одного блюда с ними, когда никого не было поблизости.

Присматривавшая за ним женщина со слезами настаивала, чтобы он носил европейскую одежду – штаны, рубашку и поношенную шляпу. Но при исполнении некоторых поручений Ким находил удобнее надевать индусский или магометанский костюм. Один из светских молодых людей – тот, которого нашли мертвым на дне колодца в ночь, когда было землетрясение – дал ему однажды полную экипировку индуса, костюм уличного мальчика низшей касты, и Ким спрятал его в потаенный уголок под балками на дровяном дворе Нила Рама, позади здания Верховного Пенджабского суда, где бываюи сложены пахучие бревна, принесенные течением. Когда Ким отправлялся по какому-нибудь делу или шел повеселиться, он пользовался этим костюмом. Возвращался он на веранду обыкновенно на заре, усталый от громких приветствий, с которыми шел по следам брачной церемонии, или от криков на индусском празднестве. В доме иногда бывала еда, иногда не бывало, и Ким снова уходил из дома, чтобы поесть со своими друзьями-туземцами.

Постукивая ногами о пушку, он временами прерывал игру с маленьким Чота Лалем и Абдуллой, сыном продавца сладостей, чтобы сделать грубое замечание полицейскому из туземцев, сторожившему ряды башмаков у дверей музея. Высокий уроженец Пенджаба снисходительно усмехался: он уже давно знал Кима. Знал его и водовоз, поливавший сухую дорогу из мешка, сделанного из козьей шкуры. Знал его и Джавахир Синг, плотник музея, нагнувшийся над новыми ящиками для упаковки вещей. Знали его и все окружающие, за исключением приехавших из деревни крестьян, которые торопились в Дом Чудес, чтобы посмотреть, что сделали люди в их собственной провинции и в других местах. Музей был посвящен индусскому искусству и мануфактуре, и всякий жаждущий мудрости мог просить объяснений у хранителя.

– Прочь! Прочь! Пусти меня! – кричал Абдулла, карабкаясь на колесо пушки.

– Твой отец был пирожник, твоя мать украла ги,[1 - Коровье масло, особым образом обработанное, по-туземному.] – распевал Ким. – Все мусульмане уже давно потеряли Зам-Заммах!

– Пусти меня! – пронзительно закричал маленький Чота в расшитой золотом шапочке. У отца его было, по всей вероятности, около полумиллиона фунтов стерлингов, но Индия – единственная демократическая страна в мире.

– Индусы тоже потеряли Зам-Заммах. Мусульмане прогнали их. Твой отец был пирожник...

Он остановился. Из-за угла со стороны шумного базара Моти показался человек, каких никогда не видывал Ким, полагавший, что знает все касты. Он был ростом почти в шесть футов, одет в темную одежду с бесчисленными складками из материи, похожей на ту, из которой делают попоны, и ни по одной из складок Ким не мог определить, к какого рода промыслу или профессии принадлежит этот человек. На поясе у него висел ажурный железный пенал и деревянные четки, какие носят святые люди. На голове красовалась шляпа гигантских размеров. Лицо у него было желтое и сморщенное, как у Фук-Шинга, китайца-сапожника на базаре. Чуть раскосые глаза походили на ониксы с трещиной посередине.

– Кто это? – спросил Ким товарищей.

– Кажись, человек, – сказал Абдулла, засунув палец в рот и пристально смотря на незнакомца.

– Без сомнения, – возразил Ким, – но он не из Индии; таких людей я никогда не видел.

– Может быть, жрец, – сказал Чота Лаль, заметив четки. – Посмотрите, он идет в Дом Чудес!

– Ну, ну, – сказал полицейский, качая головой, – я не понимаю, что вы говорите. – Полицейский говорил по-пенджабски. – О, Всеобщий Друг, что такое он говорил?

– Пришли его сюда, – сказал Ким, спускаясь с пушки и показывая свои голые пятки. – Он – иностранец, а ты – буйвол.

Человек обернулся с беспомощным видом и направился к мальчикам. Он был стар; его грубый шерстяной плащ еще сохранял неприятный запах чернобыльника, растущего в горных ущельях.

– О, дети, что это за большой дом? – сказал он на очень хорошем языке урду.

– Это Аджайб-Гер – Дом Чудес! – Ким не назвал незнакомца «Лала» или «Миан». Он не знал, какой веры иностранец.

– А! Дом Чудес! Можно войти туда?

– На двери написано – всякий может войти.

– Бесплатно?

– Я вхожу и выхожу. А я не банкир, – со смехом сказал Ким.

– Увы! Я старик. Я не знал. – Перебирая четки, он обернулся в сторону музея.

– Какой ты касты? Где твой дом? Пришел ты издалека? – спросил Ким.

– Я пришел из Кулу – из-за Каиласа, но, впрочем, что знаете вы? С гор, где, – он вздохнул, – воздух и вода свежи и прохладны.

– Ага! Китаи (китаец), – важно проговорил Абдулла. Фук-Шинг прогнал его однажды из лавки за то, что он плюнул на священное изображение.

– Пахари (горец), – сказал маленький Чота Лаль.

– Да, дитя, горец с гор, которых ты никогда не увидишь. Слышал ты о Бод-юм (Тибете)? Я – не китаец, а тибетец, если желаешь знать – лама, или гуру на вашем языке.

– Гуру из Тибета, – сказал Ким. – Никогда не видел такого человека. Значит, в Тибете есть индусы?

– Мы – последователи Срединного Пути – живем мирно в своих монастырях; я иду, чтобы увидеть прежде, чем умру, четыре священных места. Вы, дети, знаете теперь столько же, сколько старик. – Он ласково улыбнулся мальчишкам.

– Ел ты что-нибудь?

Старик порылся за пазухой и вынул старую деревянную чашу, в которую собирал милостыню. Мальчишки кивнули головами. Все знакомые им духовные лица просили милостыню.

– Мне еще не хочется есть. – Он повернул голову, словно старая черепаха, греющаяся на солнце. – Правда ли, что в Лагорском Доме Чудес много изображений святых? – Он повторил последние слова, как будто ожидая подтверждения их.

– Это правда, – сказал Абдулла. – Он наполнен идолами язычников. Ты тоже идолопоклонник?

– Не обращай внимания на него, – сказал Ким. – Это правительственный дом, и там нет никакого идолопоклонства, а только сахиб с седой бородой. Пойдем со мной, я покажу.

– Чужие жрецы едят мальчиков, – шепнул Чота Лаль.

– А он и чужой и идолопоклонник, – сказал Абдулла, магометанин.

Ким расхохотался:

– Он неизвестен нам. Бегите и заберитесь на колени к матери матерей и будете там в безопасности. Идем.

Ким с шумом повернул двигавшийся механически турникет; старик последовал за ним и остановился в изумлении. В первом зале стояли большие фигуры греко-буддистской скульптуры – одним лишь ученым известно, когда они были созданы забытыми скульпторами, рукам которых, казалось, таинственно передалось что-то из искусства греков. Тут были сотни обломков, резных рельефных украшений, кусков статуй и плит, фигур, которые украшали в былое время кирпичные стены буддистских мавзолеев и памятников Северной страны; теперь, открытые и снабженные надписями, они составляли гордость музея. С открытым от изумления ртом лама поворачивался от одного предмета к другому и, наконец, замер в восхищении перед горельефом, изображавшим коронацию или апофеоз Владыки Будды. Властелин сидел на лотосе, лепестки которого были так нарезаны, что каждый из них казался отдельным. Вокруг него была целая иерархия властителей, старшин и древних Будд. Внизу виднелись покрытые лотосами воды с рыбами и птицами. Два дева (добрые духи) с крыльями бабочек держали венец над его головой; другая пара, повыше, поддерживала зонтик, наверху которого красовался головной убор бодисатвы. [2 – Высший дух, не достигший еще степени Будды.]

– Господи! Господи! Сам Сакья-Муни! – почти рыдая, проговорил лама и прошептал удивительное буддистское заклинание:

– Его и путь, его закон – Ананды[З - Ананда – любимый ученик Будды.] Господина Бодисатвы, которого под сердцем

Носила Майя.

И Он здесь! Чудеснейший закон также здесь. Мое паломничество хорошо началось. А что за работа! Что за работа!

– Вон там сахиб, – сказал Ким и нырнул среди ящичков с произведениями искусства, минуя мануфактурный отдел. Седобородый англичанин смотрел на ламу, который степенно повернулся и поклонился ему. Порывшись несколько времени, он вытащил записную книжку и клочок бумаги.

– Да, это мое имя, – сказал англичанин, с улыбкой смотря на детский неумелый почерк.

– Один из нас, который совершал паломничество к Святым местам, теперь он настоятель Лунг-Чосского монастыря, дал это мне, – запинаясь, проговорил лама. – Он говорил мне про эти изображения, – его худая рука, дрожа, указала на все вокруг.

– Привет тебе, о лама из Тибета. Вот изображения, и здесь я, – он взглянул в лицо ламы, чтобы приобрести познания. – Пройди пока в мою канцелярию.

Старик дрожал от волнения.

Канцелярия была маленькая комната, отделенная от галереи, где находились скульптуры. Ким припал к полу, приложив ухо к щели двери из кедра, треснувшей от жары, и, следуя своему инстинкту, приготовился слушать и наблюдать.

Большая часть разговора была выше его понимания. Лама, сначала с запинкой, рассказал хранителю музея о своем монастыре Суч-Зен, находившемся высоко среди скалистых гор, в четырех месяцах ходьбы от Лагора. Англичанин принес

громадную книгу с фотографиями и рисунками и показал ему этот самый монастырь, гнездившийся на утесе, откуда открывался вид на громадную долину, почва которой была разнообразных цветов.

- Да, да! - лама надел очки в роговой оправе китайской работы. - Вот маленькая дверь, в которую мы вносим дрова на зиму. И ты - вы, англичане, знаете это? Тот, кто состоит теперь настоятелем монастыря Лунг-Чо, говорил мне это, но я не поверил. Владыка-Всесовершенный почитается и здесь? И жизнь Его известна здесь?

- Она вся высечена на камне. Пойди и посмотри, если ты отдохнул.

Лама, волоча ноги, прошел в главный зал, и хранитель музея вместе с ним просмотрел всю коллекцию с благоговением верующего и точностью оценок профессионала.

Он узнавал на истертых камнях событие за событием чудесной истории, затрудняясь по временам при виде незнакомых ему греческих предметов и восторгаясь, как ребенок, при каждой новой находке. В тех местах, где были пропущены связующие моменты, как, например, в благовествовании, хранитель музея пополнял пропуск, вытаскивая из кучи книг французские и немецкие с фотографиями и гравюрами.

Тут был и набожный Асита, тождественный евангельскому Симеону; он держал на коленях святого младенца, а мать и отец прислушивались к его словам; были тут и события из легенды о двоюродном брате Девадатта. Там - смущенная злая женщина, обвинявшая Будду в нецеломудрии, здесь - проповедь в Оленьем парке; чудо, которое поразило огнепоклонников; Бодисатва в царской одежде; чудесное рождение, смерть в Кусинсларе, когда слабый ученик лишился чувств; почти бесчисленные повторения размышлений под деревом Боди; а поклонение нищенской чаше виднелось повсюду. В несколько минут англичанин убедился, что его гость не простой нищий, а серьезный ученый. И они еще раз повторили все; лама нюхал табак, вытирал очки и говорил с быстротой несущегося поезда железной дороги на удивительном языке - смеси языков урду и тибетского. Он слышал о путешествиях китайских паломников, Фо-Хиана и Хвен-Тианга, и очень хотел узнать, есть ли перевод их записок. Он вздохнул беспомощно, перелистывая страницы сочинений Биля и Станислава Жюльена. Все это есть здесь. Запертое сокровище. Потом он несколько успокоился и стал благоговейно прислушиваться к отрывкам, поспешно переводимым на язык урду. В первый раз

он услышал о трудах европейских ученых, которые с помощью этих и других документов установили подлинность святых мест буддизма. Потом ему показали большую географическую карту с точками и линиями желтого цвета. Смуглый палец двигался за карандашом англичанина с одной точки на другую. Вот тут – Капилавасти, здесь – Среднее царство, тут – Махабодхи – Мекка буддизма, а здесь – Кусинагара, печальное место смерти святого. Старик молчал некоторое время, опустив голову на листы, а англичанин закурил другую трубку. Ким заснул. Когда он проснулся, продолжавшийся разговор был еще более непонятен.

– И таким образом, о Источник мудрости, я решился идти к святым местам, которые попирала Его нога. К месту рождения, даже в Капила; потом в Махабодхи, в Буддохчайю, в монастырь, парк оленей – к месту Его смерти.

Лама понизил голос.

– И я пришел сюда один. В продолжение пяти, семи, восемнадцати, сорока лет я размышлял о том, что старый закон не исполняется, как следует; что он заглушен дьявольщиной, чарами и идолопоклонством. Как сказал даже тот ребенок – даже ребенок.

– Это случается со всеми религиями.

– Ты думаешь? Я читал книги нашего монастыря; оказалось, что источник их силы иссяк, и позднейший ритуал, которым мы – последователи преобразованного закона – обременили себя, также не имел цены в этих старых глазах. Даже последователи Всесовершенного враждуют друг с другом. Все это – одна иллюзия. Да, майя, иллюзия. Но у меня есть другое желание, – сморщенное желтое лицо приблизилось на расстояние трех дюймов к лицу англичанина, и длинный ноготь указательного пальца застучал по столу. – Ваши ученые в этих книгах прошли по следам Благословенных Ног во всех их странствиях; но есть вещи, которых они не открыли. Я ничего не знаю – ничего не знаю, но я иду искать освобождения от Колеса Всего Сущего широким, открытым путем. – Он улыбнулся с простодушным торжеством. – Как паломник к Святым местам я заслуживаю награды. Более того. Выслушай правдивые слова. Когда наш милосердный Господь, будучи юношей, искал себе подругу, люди при дворе Его отца говорили, что он слишком нежен для брака. Ты знаешь это? – Англичанин утвердительно кивнул головой, раздумывая, что будет дальше.

- Тогда произвели тройное испытание. При испытании в стрельбе из лука наш Владыка сначала переломил тот, который Ему дали, а потом попросил такой, какого никто не мог согнуть. Ты знаешь это?

- Это написано. Я читал.

- И стрела, перелетев через все цели, исчезла вдали, стала невидимой для глаз. Наконец, она упала; и там, где она дотронулась до земли, прорвался поток, превратившийся в реку. Эта река, благодаря благодеяниям Владыки и заслугам Его до Его освобождения, очищает купающихся в ней от всякого греха.

- Так написано, - грустно проговорил англичанин.

Лама глубоко вздохнул.

- Где эта река? Источник мудрости, куда упала стрела?

- Увы, не знаю, брат мой! - ответил хранитель музея.

- Ну, верно, ты просто позабыл. Это единственная вещь, которую ты не сказал мне. Ты, наверное, должен знать это. Взгляни, я старик. Я спрашиваю, склонив голову к твоим ногам, о Источник мудрости! Мы знаем, что Он стрелял из лука! Мы знаем, что стрела упала! Мы знаем, что поток прорвался! Но где же река? Моя мечта - найти ее. Поэтому я и пришел сюда. Где же река?

- Если бы я знал, неужели ты думаешь, я не кричал бы об этом?

- Благодаря ей человек освобождается от Колеса Всего Сущего, - продолжал лама, не слушая его. - Река Стрелы! Подумай хорошенько! Может быть, маленький поток, пересыхающий в жару? Но Святой никогда не обманул бы так старика.

- Я не знаю, не знаю.

Лама еще более приблизил свое изборожденное морщинами лицо к лицу англичанина.

– Я вижу, ты не знаешь. Так как ты не из приверженцев закона, то это скрыто от тебя.

– Да, скрыто, скрыто.

– Мы оба связаны – и ты, и я, брат мой. Но я, – он встал, взмахнув полами своей плотной одежды, – я иду освободиться. Иди и ты.

– Я готов, – сказал англичанин. – Но куда идешь ты?

– Сначала в Каши (Бенарес), куда же иначе? Там я встречу одного правоверного в храме джайнов. Он также искатель тайны, и, может быть, я узнаю от него то, что желаю знать. Может быть, он пойдет со мной в Будд-Гайя. Оттуда – на северо-запад в Капилавасти, там я буду искать реку. Я буду искать ее повсюду, потому что место, где упала стрела, неизвестно.

– А как ты пойдешь? Ведь до Дели далеко, а до Бенареса еще дальше?

– Отправлюсь пешком и по железной дороге. Спустившись с гор, я приехал сюда из Патанкота в поезде. Он идет быстро. Сначала я изумился при виде больших столбов на дороге, хватающих нить за нитью, – он наглядно изобразил, как наклоняются и кружатся телеграфные столбы, мелькающие перед проходящим поездом. – Но потом мне стало тесно, и я захотел идти, как я привык.

– А ты хорошо знаешь дорогу? – спросил хранитель музея.

– О, для этого нужно только спросить и заплатить деньги, и знающие люди отправляют всех в нужное место. Это я узнал в монастыре от верных людей, – гордо проговорил лама.

– А когда ты отправляешься?

Англичанин улыбнулся, слушая эту смесь старинной набожности и современного прогресса, так отличающую нынешнюю Индию.

– Как можно скорее. Я буду идти по местам, где он жил, пока не дойду до Реки Стрелы. К тому же есть расписание, когда идут поезда на юг.

– А как насчет пищи?

Ламы, обыкновенно, имеют хорошие запасы денег, спрятанные где-нибудь в одежде. Англичанин хотел убедиться в этом.

– Для путешествия я беру нищенскую чашу Владыки. Да. Как шел он, так иду и я, покинув удобства монастыря. Когда я ушел из гор, со мной был «чела» (ученик), который просил милостыню за меня, как этого требуют правила, но, когда мы остановились в Кулу, на него напала лихорадка, и он умер. Теперь у меня нет ученика, но я возьму нищенскую чашу и дам милостивым людям возможность сделать доброе дело. – Он решительно покачал головой. Обычно ученые монахи не просят милостыни, но этот с энтузиазмом принимался за свои поиски.

– Да будет так, – улыбаясь, сказал англичанин. – Позволь же мне заслужить награду. Мы с тобой оба мастера. Вот новая книга из белой английской бумаги; вот и очиненные карандаши – толстые и тонкие; все они хороши для писца. Теперь одолжи мне твои очки.

Англичанин поглядел в очки. Они были сильно поцарапаны, но почти соответствовали его собственным очкам, которые он сунул в руку ламы, сказав: «Попробуй эти».

– Перышко! Чистое перышко на лице! – старик с восторгом поворачивал голову и морщил нос. – Я почти не чувствую их. Как ясно я вижу все!

– Они из билаура (горного хрусталя) и никогда не поцарапаются. Да помогут они тебе найти твою реку, потому что они – твои.

– Я возьму их, и карандаши, и белую записную книжку, – сказал лама, – как знак дружбы между священнослужителями, а теперь, – он порылся в поясе, снял открытый резной пенал и положил его на стол. – Это – на память тебе обо мне – мой пенал. Он старый – такой же, как я.

Это была старинная вещь древнекитайского рисунка из железа, какого уже не выделывают в наши дни; и сердце коллекционера в груди англичанина пленилось ею при первом же взгляде. Никакие уговоры не могли заставить ламу взять назад свой подарок.

– Когда я вернусь после того, как найду реку, я принесу тебе священную картину, какую я написал на шелку в монастыре. А также и картину, изображающую Колесо Жизни, – с усмешкой проговорил он, – потому что мы с тобой оба работники.

Англичанину хотелось задержать его: так мало людей на свете еще владеют секретом условных буддистских картин, наполовину как бы написанных кисточкой, наполовину нарисованных. Но лама вышел, высоко подняв голову, остановился на мгновение перед большой статуей Бодисатвы, погруженного в раздумье, и прошел через турникет.

Ким шел следом за ним, словно тень. То, что он подслушал, сильно взбудоражило его. Этот человек представлял абсолютную неизвестность для него, и он решил исследовать его, совершенно так же, как исследовал бы новое здание или необычайное празднество в городе Лагоре. Лама был его находкой, и он намеревался завладеть им. Мать Кима была ирландкой.

Старик остановился у Зам-Заммаха и оглядывался вокруг, пока взгляд его не остановился на Киме. Вдохновение, вызванное паломничеством, ослабло в данную минуту, и лама чувствовал себя старым, одиноким и истощенным.

– Не сиди под пушкой, – торжественно сказал полицейский.

– Эй, филин! – отвечал Ким за ламу. – Сиди, пожалуйста, под пушкой, если хочешь. Когда ты украл туфли молочницы, Дьюнно?

То было совершенно необоснованное обвинение, возникшее внезапно, под влиянием минуты, но оно заставило замолчать Дьюнно, который знал, что громкие крики Кима привлекают, в случае надобности, легионы базарных мальчишек.

– А кому ты поклонялся там? – любезно сказал Ким, сидя в тени на корточках, рядом с ламой.

– Я никому не поклонялся, дитя. Я преклонился перед Высшим Законом.

Ким без всякого волнения принял этого нового бога. Он знал уже несколько десятков богов.

– А что ты делаешь?

– Я прошу милостыню. Теперь я припоминаю, что давно не ел и не пил. Как совершаются дела милосердия в этом городе? В безмолвии, как у нас, в Тибете, или о них говорят громко?

– Те, кто просят молча, умирают в молчании с голоду, – сказал Ким, приводя туземную поговорку. Лама попробовал подняться, но опустился, вздохнув о своем ученике, умершем в далеком Кулу. Ким наблюдал за ним, склонив голову набок, внимательный и заинтересованный.

– Дай мне чашу. Я знаю всех милосердных людей в этом городе. Дай мне, и я принесу ее назад наполненной. – Старик с детской простотой передал ему чашу.

– Отдохни. Я знаю здешних людей.

Он направился к открытой лавочке, находившейся против станции кольцевой железной дороги, ниже базара Моти. Эту лавочку держала торговка зеленью, принадлежавшая к низшей касте. Она давно знала Кима.

– Ого, ты стал, что ли, иоги (святым человеком), что расхаживаешь с нищенской чашей? – крикнула она.

– Нет, – гордо сказал Ким. – В городе появился новый священнослужитель – такой человек, какого я еще никогда не видел.

– Старый священнослужитель – молодой тигр! – сердито сказала женщина. – Я устала от все новых и новых жрецов. Они садятся на ваши товары, словно мухи. Разве отец моего сына – источник милосердия, чтобы давать всем просящим?

– Нет, – сказал Ким. – Твой муж скорее «иаги» (человек дурного характера), чем иоги. Но этот священнослужитель совсем новый: сахиб в Доме Чудес говорил с ним, как с братом. О, мать моя, наполни эту чашу. Он ждет.

– Скажите пожалуйста! Эту чашу! Корзинку величиной с желудок коровы! Ты так же милостив, как священный бык Шивы. Он съел сегодня большую часть лука в корзине, а тут я еще должна наполнить твою чашу. Вот он снова идет.

Громадный браминский бык мышинного цвета прокладывал себе путь среди разношерстной толпы; ветвь смоковницы, которую он только что стащил, свешивалась у него изо рта. Он подошел прямо к лавке, отлично зная свои привилегии священного животного, опустил голову и тяжело фыркнул на ряд корзин, прежде чем сделать выбор. Маленькая тяжелая пятка Кима мелькнула в воздухе и ударила его по влажному синему носу. Бык фыркнул от негодования и пошел вдоль рельс трамвая; горб его дрожал от ярости.

– Взгляни! Я спас втрое больше, чем стоит эта чаша. Ну, матушка, немного рису и сушеной рыбы – да еще какого-нибудь варева.

Из комнаты позади лавки, где лежал какой-то человек, послышалось ворчание.

– Он прогнал быка, – шепотом проговорила женщина, – хорошо подавать бедным.

Она взяла чашу и вернула ее наполненной горячим рисом.

– Но мой иоги (святой) не корова, – серьезно сказал Ким, проделывая пальцем ямку в середине горстки риса. – Хорошо бы еще чего-нибудь к рису, а жареный пирожок и немного консервов, я думаю, понравились бы ему.

– Вишь, сделал ямищу со свою голову! – раздраженно сказала женщина.

Но, несмотря на это, она заполнила дырку вкусной горячей соей, положила сверху пирожок, на него кусочек прозрачного масла, а сбоку прибавила консервов из соленых плодов тамаринда. Ким любовно смотрел на свою ношу.

– Это хорошо. Когда я буду на базаре, бык не подойдет к этому дому. Он смелый нищий.

– А ты? – со смехом сказала женщина. – Но говори с уважением о быках. Ведь ты же рассказывал мне, что в один прекрасный день какой-то Красный Бык придет

с поля, чтобы помочь тебе? Держи же чашу прямо и попроси у святого человека благословения для меня. Может быть, он знает лекарство для больных глаз моей дочери? Попроси и лекарства, о ты, Маленький Всеобщий Друг.

Но Ким исчез, не выслушав до конца ее речи, увертываясь от собак, парий и голодных знакомых.

– Вот как просим мы, знающие, как это делается, – гордо сказал он ламе, открывшему глаза при виде содержимого чаши. – Теперь кушай, и я поем вместе с тобой. Эй, ты! – крикнул он водовозу, поливавшему цветы у музея. – Дай-ка воды сюда. Нам, людям, хочется пить.

– Нам, людям! – со смехом сказал водовоз. – Я думаю, одной струи хватит на такую пару. Ну пейте, во имя Милосердного.

Он пустил тонкую струю воды в руки Кима, который выпил ее туземным способом; но лама вынул чашку из складок своей необъятной одежды и напился со всеми церемониями.

– Пардеси (чужестранец), – объяснил Ким, когда старик произнес, очевидно, благословение на незнакомом языке.

Они ели с большим удовольствием, очищая нищенскую чашу. Потом лама взял понюшку табаку из большой деревянной табакерки, некоторое время перебирал четки и заснул спокойным сном старости под удлинённой тенью Зам-Заммаха.

Ким направился к ближайшей торговке табаком, довольно живой женщине-магометанке, и попросил у нее крепкую сигару того сорта, который продают студентам Пенджабского университета, желающим подражать английским обычаям. Потом он сел под пушку, опустив подбородок на колени, и стал курить и раздумывать; результатом этих размышлений явился внезапный тайный поход в сторону дровяного двора Нила Рама.

Лама проснулся только тогда, когда в городе началась вечерняя жизнь; зажглись фонари, и клерки и мелкие служащие в правительственных учреждениях, одетые в белые одежды, стали возвращаться домой. Он растерянно оглядывался по сторонам, но никто не смотрел на него, за исключением мальчика-индуса в грязном тюрбане и одежде цвета Изабеллы.

Вдруг лама склонил голову на колени и застонал.

– Что с тобой? – спросил стоявший перед ним мальчик. – Тебя обокрали?

– Мой новый чела ушел от меня, и я не знаю, где он.

– А как выглядел твой ученик?

– Это был мальчик, посланный мне вместо умершего в награду за то, что я преклонился перед Законом, вон там. – Он показал в сторону музея. – Он пришел ко мне, чтобы указать потерянный мною путь. Он привел меня в Дом Чудес и своими речами ободрил меня так, что я решился разговаривать с хранителем священных изображений и стал смелее и сильнее. А когда я изнемогал от голода, он просил за меня милостыню, как делает это ученик для учителя. Внезапно он был послан мне. Внезапно ушел. Я намеревался учить его Закону по дороге в Бенарес.

Ким остановился в изумлении при этих словах, потому что он подслушал разговор в музее и теперь узнал, что старик говорил правду, что редко случается, когда туземец входит в сношения с чужестранцами.

– Но теперь я вижу, что он был послан мне с известной целью. Поэтому я знаю, что найду реку, которую ищу.

– Реку Стрелы? – сказал Ким со знающим видом.

– Неужели это еще один посланец? – вскрикнул лама. – Никому не говорил я о моих поисках, кроме хранителя изображений. Кто ты?

– Твой ученик, – просто сказал Ким, сидя на корточках. – В жизни не видел никого похожего на тебя. Я пойду с тобой в Бенарес. И я думаю, что такой старик, как ты, говорящий правду всякому встречному в сумерки, очень нуждается в ученике.

– Но Река – Река Стрелы?

– О, я слышал, как ты говорил это англичанину. Я лежал у дверей.

Лама вздохнул.

– Я думал, что ты проводник, ниспосланный мне. Такие вещи случаются иногда, но я недостойн. Так ты не знаешь реки?

– Не знаю. – Ким смущенно рассмеялся. – Я иду искать быка – Красного Быка на зеленом поле, который поможет мне.

У Кима, как у всякого мальчика, когда он слышал чей-нибудь план, являлся свой собственный; и, как ребенок, он иногда раздумывал целых двадцать минут о пророчестве отца.

– В чем, дитя мое? – сказал лама.

– Бог знает в чем, отец так говорил мне. Я слышал, как ты говорил в Доме Чудес о всех этих новых странных местах в горах, и если такой старый и безобидный, так привыкший говорить правду, может идти ради такой мелочи, как река, мне показалось, что и я должен пуститься в путь. Если нам суждено найти эти вещи, мы найдем их, ты – свою реку, а я – моего быка, высокие колонны и какие-то еще вещи, о которых я позабыл.

– Я хотел бы освободиться от Колеса Всего Сущего, а не искать колонны, – сказал лама.

– Это все равно. Может быть, меня сделают царем, – сказал Ким, невозмутимо готовый ко всему.

– Я научу тебя в пути другим и лучшим стремлениям, – властным голосом проговорил лама. – Пойдем в Бенарес.

– Не ночью. Воры бродят повсюду. Дождись дня.

– Но нам негде спать. – Старик привык к правилам своего монастыря, и хотя спал на земле, согласно уставу, но предпочитал устраиваться прилично.

– Мы найдем хорошее помещение в Кашмирском караван-сараяе, – сказал Ким, смеясь над смущением старика. – У меня есть там приятель. Идем.

Жаркие, заполненные народом базары горели огнями, когда они пробирались среди представителей всех народов Верхней Индии. Лама двигался, словно во сне. Он в первый раз попал в большой промышленный город, и набитый людьми трамвай с визжащими тормозами пугал его. То подталкиваемый, то увлекаемый толпой, он добрался до высоких ворот караван-сарая – громадной, открытой площади напротив железнодорожной станции, окруженной монастырями с арками, на которой останавливаются караваны верблюдов и лошадей, возвращающихся из Центральной Азии. Тут были представители населения северной части Индии; они ухаживали за привязанными лошадьми и коленопреклоненными верблюдами, накладывали и снимали тюки и узлы, накачивали воду для ужина из колодца, подкладывали кучи травы громко ржавшим жеребцам со свирепыми глазами, отгоняли угрюмых собак, пришедших с караванами, платили погонщикам верблюдов, нанимали новых слуг, ругались, кричали, рассуждали, торговались на набитой битком площади. Монастыри, ко входу в которые вели по три-четыре каменных ступеньки, представляли собой спасительную гавань вокруг этого бушующего моря. Большинство их было отдано в аренду торговцам. Пространство между колоннами было заложено кирпичами или отделано под комнаты, охранявшиеся тяжелыми железными дверями и громоздкими туземными висячими замками. Запертые двери указывали на отсутствие владельца, а грубые – иногда очень грубые – каракули мелом или краской сообщали, куда он отправился. Например: «Лутуф Улла отправился в Курдистан». Внизу грубые стихи: «О, Аллах, позволяющий вшам жить в одежде Кабульца, зачем дозволил ты жить так долго этой вше, Лутуфу?»

Ким, оберегая ламу от возбужденных людей и животных, добрался вдоль монастырей до отдаленного конца площади, вблизи станции, где жил Махбуб Али, торговец лошадьми, который являлся из таинственной страны за северными проходами гор.

В течение своей короткой жизни, в особенности между десятью и тринадцатью годами, Ким вел много дел с Махбубом, и громадный афганец с выкрашенной в красный цвет бородой (он был пожилой и не желал, чтобы видели его седые волосы) понимал значение мальчика, как разносчика сплетен. Иногда он просил Кима проследить за человеком, не имевшим никакого отношения к лошадям: ходить за ним в течение целого дня и рассказать затем про всякого, с кем он

говорил. Вечером Ким понимал, что тут какая-то интрига; главное было в том, что Ким не рассказывал про встречи никому другому, кроме Махбуба, который давал ему прекрасные, горячие кушанья из кухмистерской, а один раз дал даже восемь монет.

– Он здесь, – сказал Ким, ударяя по носу злого верблюда. – Эй, Махбуб Али! – Он остановился у темной арки и спрятался за удивленного ламу.

Барышник, с расстегнутым широким поясом, лежал на двух шелковых ковровых мешках и лениво курил огромную серебряную трубку. Он слегка повернул голову при восклицании Кима и, видя только молчаливую высокую фигуру, засмеялся глубоким, прерывистым смехом.

– Аллах! Лама! Красный Лама! Далеко от Лагора до проходов в горах! Что ты делаешь здесь?

Лама машинально протянул чашу.

– Проклятие Бога на всех неверных! – сказал Махбуб. – Я не подаю вшивому тибетцу; попроси у конюха, он вон там, позади верблюдов. Может быть, они оценят твои благословения. Эй, конюхи, вот тут ваш земляк! Посмотрите, не голоден ли он.

Бритый конюх, пришедший с лошадьми, отказавшийся от буддизма, подобострастно встретил ламу и низким горловым голосом умолял Служителя Божьего присесть к костру, разведенному для конюхов.

– Иди! – сказал Ким, слегка подтолкнув ламу, и тот пошел, оставив Кима у монастыря.

– Иди! – сказал Махбуб Али, возвращаясь к своему куренью. – Беги прочь, маленький индус! Проклятье всем неверным! Попроси у тех из моих слуг, которые одной веры с тобой.

– Магараджа, – захныкал Ким, употребляя индусскую форму обращения и вполне наслаждаясь ситуацией, – мой отец умер, моя мать умерла, мой желудок пуст.

– Проси у моих слуг, говорю я. Там должны быть индусы.

– О, Махбуб Али, да разве я индус? – по-английски сказал Ким.

Торговец ничем не обнаружил своего удивления, но взглянул из-под густых бровей.

– Маленький Всеобщий Друг, – сказал он, – что это значит?

– Ничего. Я теперь ученик этого святого человека, и мы идем вместе в паломничество в Бенарес, как говорит он. Он совсем безумный, а я устал от Лагора. Мне хочется нового воздуха и воды.

– Но у кого ты служишь? Зачем пришел ко мне? – Подозрительность слышалась в его грубом голосе.

– К кому же другому мне было идти? У меня нет денег. Нехорошо бродить без денег. Ты продашь много лошадей офицерам. Очень хороши эти новые лошади, я видел их. Дай мне одну рупию, [4 - Рупия – 1 фунт стерлингов 10 шиллингов.] Махбуб Али, а когда я разбогатею, я заплачу тебе.

– Гм, – сказал Махбуб Али, быстро соображая что-то. – Ты прежде никогда не лгал мне. Позови этого ламу, а сам встань в тени.

– О, наш рассказ будет одинаков, – со смехом сказал Ким.

– Мы идем в Бенарес, – сказал лама, как только понял, куда клонит Махбуб Али. – Мальчик и я. Я иду искать одну реку.

– Может быть, а мальчик?

– Он мой ученик. Я думаю, он был послан мне, чтобы привести меня к этой реке. Я сидел под пушкой, когда он внезапно подошел ко мне. Подобные вещи случались со счастливцами, которым давались указания. Теперь я припоминаю, что он говорил, что он из здешних – индус.

– А его имя?

– Я не спрашивал его. Ведь он мой ученик.

– Его страна – его раса – его селение? Мусульманин он или сейк, индус, джайн, низшей касты или высшей?

– Зачем мне было спрашивать? На Срединном пути нет ни высших, ни низших. Если он мой ученик, возьмет ли кто-нибудь его от меня – захочет ли, может ли взять его? Видите ли, без него я не найду моей реки. – Он торжественно покачал головой.

– Никто не возьмет его от тебя. Пойди сядь с моими конюхами, – сказал Махбуб Али, и лама ушел, утешенный обещанием.

– Ну, разве он не совсем безумный? – сказал Ким, выходя на свет. – Зачем бы я стал лгать тебе, хаджи?

Махбуб молча курил свою трубку. Потом он проговорил почти шепотом:

– Умбалла на пути в Бенарес, если вы оба действительно идете туда.

– Ну! Ну! Говорю тебе, он не умеет лгать, как умеем мы с тобой.

– И если ты передашь мое поручение в Умбаллу, я дам тебе денег. Это касается лошади – белого жеребца, которого я продал одному офицеру, когда в последний раз вернулся с гор. Но встань поближе и протяни руки, как будто просишь милостыню. Родословная белого жеребца не была вполне установлена, и офицер, который теперь находится в Умбалле, потребовал от меня объяснений (тут Махбуб описал лошадь и наружность офицера). Вот что ты должен сказать офицеру: «Родословная белого жеребца вполне установлена». По этим словам он узнает, что ты прислан мной. Тогда он скажет: «Какое у тебя доказательство?» – а ты ответишь: «Махбуб Али дал мне доказательство».

– И все ради белого жеребца? – с усмешкой проговорил Ким; глаза его горели.

– Я дам тебе сейчас родословную – особенным способом – и прибавлю несколько твердых слов. – Какая-то тень мелькнула позади Кима. Махбуб Али возвысил голос: – Аллах! Неужели ты один нищий в городе? Твоя мать умерла. Твой отец

умер. Со всеми так бывает. Ну, ну, – он повернулся, как будто ощупывая что-то на полу, и бросил мальчику ломоть мягкого, жирного мусульманского хлеба. – Иди и ложись спать среди моих конюхов – и ты, и лама. Завтра я, может быть, дам тебе дело.

Ким ускользнул, запустив зубы в хлеб, и, как и ожидал, нашел конверт со сложенной тонкой бумагой, обернутый в клеенку, и три серебряные рупии – неслыханная щедрость. Он улыбнулся и сунул деньги и бумагу в свою кожаную сумочку с амулетом. Лама, которого чудесно угостили слуги Махбуба, уже спал в уголке одной из конюшен. Ким лег рядом с ним и рассмеялся. Он знал, что оказал услугу Махбубу Али, и ни одной минуты не верил в рассказ о родословной белого жеребца.

Но Ким не подозревал, что Махбуб Али, известный как один из лучших барышников в Пенджабе, богатый и предприимчивый торговец, караваны которого проникали далеко в глубь страны, был зарегистрирован в одной из книг департамента тайной полиции в Индии как С.25.Г.В. Два или три раза в год С.25 присылал маленький рассказ, написанный просто, но чрезвычайно интересный и обыкновенно – как это подтверждалось донесениями R.17 и M.4 – совершенно правдивый. Он касался всевозможных отдаленных горных княжеств, исследователей всех национальностей, кроме англичан, и торговли оружием, одним словом, составлял малую часть тех «полученных сведений», на основании которых действует правительство Индии. Но недавно пять союзных правителей, которым вовсе не следовало вступать в союз, были осведомлены одной доброжелательной северной державой, что сведения с их территории проникают в Британскую Индию. Первые министры этих правителей серьезно встревожились и приняли меры, соответствующие восточной моде. Между прочим, они заподозрили дерзкого краснобородого барышника, верблюды которого, по брюхо в снегу, проходили по их странам. Наконец, во время последнего сезона, караван его попал в засаду и был дважды обстрелян по дороге. Люди Махбуба приписывали это нападение трем чужестранцам, которые, может быть, были наняты для этого. Поэтому Махбуб не остановился в нездоровом городе Пешаваре и прямо пробрался в Лагор, где, зная хорошо своих соотечественников, он ожидал интересных новостей.

И кроме того, у Махбуба Али было нечто, чего он не желал держать долее, чем было необходимо, – конверт с очень тонкой бумагой, обернутый в клеенку, – безличное, никому не адресованное донесение с пятью микроскопическими дырочками, проткнутыми булавкой в уголке. Конверт этот очень ясно выдавал

пятерых союзных правителей, симпатизирующую им северную державу, индусского банкира в Пешаваре, фирму оружейных мастеров в Бельгии и важного, полунезависимого магометанского правителя на юге. Это была последняя работа R.17, который, по независящим от него обстоятельствам, не мог покинуть своего наблюдательного пункта.

Махбуб Али получил пакет и вез его вместо R.17. Динамит был кроток и безвреден в сравнении с донесением С.25. И даже уроженец Востока, со всеми восточными взглядами на цену времени, понимал, что чем скорее это донесение будет доставлено по адресу, тем лучше. Махбуб не имел особого желания умереть насильственной смертью. На руках у него были еще две-три незаконченные кровавые распри, когда же с ними будет покончено, он намеревался обосноваться где-нибудь и стать более или менее нравственным гражданином. Он не выходил из ворот караван-сарая со времени своего приезда два дня тому назад, но усердно посылал телеграммы в Бомбей, куда перевел часть своих денег; в Дели, где партнер из его клана продавал лошадей государствам Раджпутана, и в Умбаллу, откуда один англичанин взволнованно требовал родословную белого жеребца. Публичный писец, знавший английский язык, составлял превосходные телеграммы вроде: «Крейтон. Банк Лаурель, Умбалла. Лошадь – арабская, как уже установлено. Досадно, задержана родословная, которую перевожу». Потом, на тот же адрес: «Очень досадная задержка. Пришлю родословную». Своему партнеру в Дели он телеграфировал: «Лутуф Улла. Телеграфировал две тысячи рупий наш кредит банк Лухман Нарайна». Все это относилось к торговому делу, но каждая телеграмма обсуждалась по многу раз людьми, считавшими себя заинтересованными, прежде чем попадала на телеграфную станцию. Глупый слуга, относивший телеграммы, давал всем встречавшимся по дороге прочитывать их.

Когда Махбуб, по его живописному выражению, замутил источники осведомления палкой предосторожности, Ким явился перед ним, словно посланный с неба, и Махбуб Али, решительный и неразборчивый в средствах, привыкший пользоваться всяким удобным случаем, немедленно воспользовался его услугами.

Бродяга-лама с мальчиком-слугой из низкой касты мог возбудить минутный интерес в Индии, стране пилигримов, но никому они не могли показаться подозрительными и тем более никто не стал бы грабить их.

Он велел подать огня для трубки и стал обдумывать положение дел. Если случится самое худшее и мальчик попадет, бумага не может стать вещественным доказательством против кого бы то ни было. И он спокойно отправится в Умбаллу и – даже рискуя возбудить новые подозрения – подтвердит словесно свой рассказ тем, кого это касается.

Однако донесение R.17 являлось ядром всего дела, и было бы очень неудобно, если бы оно не попало в нужные руки. Но Аллах велик, а Махбуб Али чувствовал, что он сделал все возможное в данное время. Ким был единственным существом на земле, которое никогда не солгало ему. Это было бы роковым недостатком Кима в глазах Махбуба Али, не зная он, что в делах, касающихся самого Кима или Махбуба, Ким мог лгать, как любой житель Востока.

Потом Махбуб Али отправился к воротам гарпий, которые подрисовывают себе глаза и завлекают чужестранцев, и с трудом разыскал девушку, находившуюся, по его мнению, в особенно близких отношениях с одним безбородым кашмирским ученым-брамином, который остановил его простака-слугу с телеграммами. Вышла очень глупая история, потому что все они, вопреки закону Пророка, стали пить душистую водку, и Махбуб сильно напился. Язычок у него развязался, и он преследовал «Цветок восторга», бегая за ней на дрожавших от опьянения ногах, пока не упал среди подушек, где «Цветок восторга», с помощью безбородого кашмирского брамина, обыскала его основательно с головы до ног.

Примерно в это же время Ким услышал в пустынной конюшне Махбуба Али чьи-то тихие шаги. Барышник, к удивлению, оставил дверь незапертой, и слуги его праздновали свое возвращение в Индию, поедая целого барана, милостиво предложенного им Махбубом. Ловкий молодой человек из Дели, сооруженный связкой ключей, которую «Цветок восторга» сняла с пояса безжизненно лежавшего Махбуба, оглядел все ящики, узлы, ковры и тюки, принадлежавшие барышнику, еще более систематично, чем «Цветок» и брамин обыскивали их владельца.

– И я думаю, – презрительно сказала «Цветок», облокотясь через час круглым локтем на храпевшее безжизненное тело, – что этот афганский барышник просто свинья, которая только и думает, что о женщинах и лошадях. К тому же он, может быть, и отослал ее – если она действительно была у него.

– Ну, то, что касается пятерых государей, должно лежать близко к его черному сердцу, – сказал брамин. – Так ничего не было?

Человек из Дели засмеялся, входя и поправляя свой тюрбан.

– Я искал в пятках его туфель, пока «Цветок» обыскивала его одежду. Это не тот человек. Я редко ошибаюсь.

– Они и не говорили, что это именно тот человек, – задумчиво проговорил брамин. – Они сказали: «Посмотрите, не тот ли это человек, так как наши советники смущены».

– Эта северная страна кишит торговцами лошадьми, как старая одежда вшами. Там торгуют Сикандер Хан, Нур Али Бег и Фаррук Шах – все крупные торговцы, – сказала девушка.

– Они еще не приехали, – сказал брамин. – Ты должна заманить их.

– Фу! – сказала «Цветок» с глубоким отвращением, скидывая голову Махбуба с колен. – Я зарабатываю деньги. Фаррук Шах – медведь, Али Бег – хвостун, а старый Сикандер Хан – уф! Ступай. Я засну. Эта свинья не двинется до зари.

Когда Махбуб проснулся, «Цветок восторга» строго заговорила с ним о грехе пьянства. Азиаты и глазом не моргнут, когда перехитрят неприятеля, но, когда Махбуб Али прочистил горло, подтянул кушак и, шатаясь, вышел при свете ранних утренних звезд, он почти что торжествовал победу.

«Что за детская проделка! – проговорил он про себя. – Любая девушка в Пешаваре сумеет сделать это! Но все же проделано хорошо. Один Бог знает, сколько мне встретится на пути людей, которым приказано испытать меня, может быть, и с ножом. Итак, мальчик должен ехать в Умбаллу – и по железной дороге, потому что бумага важная. Я останусь здесь, поухаживаю за „Цветком“ и буду напиваться, как следует афганскому торговцу».

Он остановился у палатки, которая была через одну от его собственной. Его слуги лежали в глубоком сне. Не видно было ни Кима, ни ламы.

– Вставай! – разбудил барышник одного из спящих. – Куда ушли те, которые только что лежали тут, – лама и мальчик? Не пропало ли чего-нибудь?

– Ничего, – проворчал слуга. – Старый безумец встал, как только петух пропел во второй раз, говоря, что он пойдет в Бенарес, и молодой увел его.

– Проклятие Аллаха всем неверным! – от души проговорил Махбуб и, ворча, вошел в свою палатку.

Но ламу разбудил Ким. Приложив глаз к замочной скважине, Ким наблюдал за поисками человека из Дели. Простой вор не стал бы переворачивать писем, счетов и тюков, простой вор не стал бы подрезать ножичком подошвы туфель Махбуба или так ловко подпарывать швы тюков. Сначала Ким думал поднять тревогу, крикнуть: «Вор! Вор!», чтобы заставить осветить палатку, но, поглядев внимательнее и положив руку на амулет, он пришел к заключению.

– Должно быть, это родословная несуществующей лошади, – сказал он, – то, что я несу в Умбаллу. Нам лучше идти сейчас же. Те, кто с ножами обыскивают мешки, могут обыскивать с ножами и животы. Наверно, тут кроется женщина. Эй, эй! – шепнул он спавшему легким сном старику. – Идем. Пора, пора идти в Бенарес.

Лама послушно встал, и они вышли из палатки, словно тени.

Глава вторая

Тому, чье сердце так широко,

Что все созданья обоймет,

Доступен будет глас Востока,

Камакура его найдет.

Они вошли на железнодорожную станцию, похожую на крепость, темневшую в предзвездных сумерках. Электрические огни шипели на товарном дворе, где лежали мешки с зерном, полученным с севера.

– Это творение дьяволов! – сказал лама, отступая перед гулким мраком, в котором раздавалось эхо, блеском рельсов между каменными платформами и переплетом ферм наверху. Он стоял в громадном каменном зале, казалось, замощенном мертвецами в саванах – пассажирами третьего класса, взявшими билеты с ночи и спавшими в залах. Все часы в сутках одинаковы для жителей Востока, и потому пассажирское движение урегулировано согласно этому.

– Вот куда приходят огненные машины. За этой дырой, – Ким показал на билетную кассу, – стоит человек, который выдаст тебе бумагу, чтобы ехать в Умбаллу.

– Но ведь мы едем в Бенарес, – раздражительно ответил лама.

– Все равно. Ну, в Бенарес. Скорей, она подходит.

– Возьми кошелек.

Лама, не так хорошо привыкший к железным дорогам, как он рассказывал, вздрогнул, когда послышался шум поезда, отходившего на юг в 3 часа 25 минут пополудни. Спящие пробудились к жизни, и станция наполнилась шумом и криком, восклицаниями продавцов воды и сладостей, окриками полицейских, пронзительными криками женщин, собиравших свои корзины, своих детей и мужей.

– Это поезд – только проходящий поезд. Он не придет сюда. Подожди. – Ким, пораженный простоватостью ламы, который дал ему мешочек, наполненный рупиями, спросил билет в Умбаллу. Заспанный клерк заворчал и бросил билет до следующей станции, находившейся в шести милях от города.

– Ну, – сказал Ким, с усмешкой посмотрев на билет. – Это годилось бы для фермеров, а я житель города Лагора. Ловко было сделано, бабу. [5 - Человек среднего класса, горожанин.] А теперь давай билет в Умбаллу.

Кассир нахмурился и дал требуемый билет.

– Теперь другой, в Амритцар, – сказал Ким, который вовсе не думал тратить деньги Махбуба Али на такое неинтересное дело, как оплата поездки в Умбаллу.

– Стоит билет столько-то. Сдачи столько-то. Я знаю порядки на железной дороге. Ни один иога не нуждался так в ученике, как ты, – весело продолжал он, обращаясь к совершенно растерявшемуся ламе. – Тебя бы вытолкнули на Миан-Мире, если бы не я. Сюда! Иди! – Он возвратил деньги, удержав только по одной анне [6 - Анна – монета, 1/16 рупии.] с рупии за комиссию, как это делается в Азии с незапамятных времен.

Лама бросился к открытой двери вагона третьего класса.

– Не лучше ли было бы идти пешком? – нерешительно проговорил он.

Толстый ремесленник-сейк высунул свою бородатую голову.

– Чего он боится? Не бойся. Я помню, как сам, бывало, боялся железной дороги. Входи. Эта штука устроена правительством.

– Я не боюсь, – сказал лама. – Есть тут место для двоих?

– Тут нет места даже для мыши, – пронзительно закричала жена состоятельного земледельца, индуска из богатого Юлундурского округа. За ночными поездами нет такого тщательного надзора, как за утренними, когда мужчины и женщины строго распределяются по разным купе.

– О, мать моего сына, мы можем потесниться, – сказал супруг в синем тюрбане. – Возьми ребенка. Разве ты не видишь, что это Служитель Божий?

– А у меня на коленях семьдесят семь свертков! Пригласи еще его сесть мне на колени. Бесстыдник! Но все мужчины таковы! – Она оглянулась вокруг, ожидая одобрения. Девушка из Амритцара фыркнула, высунув голову из-за занавески.

– Входите! Входите! – крикнул толстый ростовщик-индус с конторской книгой под мышкой. – Хорошо быть добрым к бедным, – прибавил он с масленой

улыбкой.

- Да, при семи процентах в месяц с закладной на еще не родившегося теленка, - сказал молодой солдат, ехавший на юг в отпуск.

Все рассмеялись.

- Пойдет он в Бенарес? - спросил лама.

- Конечно. Иначе зачем бы мы пришли сюда? Входи, а то останемся здесь! - крикнул Ким.

- Смотрите! - пронзительно крикнула девушка из Амритцара. - Он никогда не бывал в вагоне. О, посмотрите на него!

- Ну, поможем, - сказал земледелец, протягивая большую смуглую руку и втаскивая ламу. - Вот как это делается, отец.

- Постой, я сяду на пол. По правилам нельзя сидеть на скамейке, - сказал лама, - к тому же мне тесно.

- Я скажу, - начал ростовщик, поджимая губы, - что нет ни одного правила благочестивой жизни, которого не нарушали бы эти поезда. Например, нам приходится сидеть рядом с представителями разных каст и со всяким народом.

- Да, и, по большей части, с самыми бесстыдными, - сказала жена, грозно смотря на девушку из Амритцара, делавшую глазки молодому сипаю.

- Я говорил, что можно было бы ехать на повозке по дороге, - сказал муж, - и сохранить немного денег.

- Да, и истратить вдвое больше того, что мы выгадали на еде. Это было переговорено десять тысяч раз.

- Да, и десятью тысячами языков, - проворчал он.

– Бог да сохранит нас, бедных женщин. Нам нельзя уже и говорить. Ого! Он из тех, которые не могут ни говорить с женщиной, ни смотреть на нее. – Лама, подчиняясь своим правилам, действительно не обращал на нее ни малейшего внимания. – А ученик его похож на него?

– Нет, матушка, – быстро ответил Ким. – В особенности если женщина красива и, главное, милосердна к голодным.

– Ответ, достойный нищего, – со смехом сказал сейк. – Сама вызвала его, сестра! – Ким протянул руки с мольбой.

– А куда ты отправляешься? – сказала женщина, протягивая ему половину пирога, вынутого из пропитанного жиром свертка.

– В Бенарес.

– Вероятно, фокусники, – высказал предположение молодой солдат. – Не покажите ли каких-нибудь фокусов для времяпровождения? Почему не отвечает этот желтолицый старик?

– Потому, – смело ответил Ким, – что он святой человек и размышляет о вещах, скрытых от тебя.

– Это, может быть, и хорошо. Мы – сейки из Лудианы, – проговорил он звучным голосом, – не утруждаем свои головы мудростями. Мы сражаемся.

– Сын моей сестры – наук (капрал) в этом полку, – спокойно сказал ремесленник-сейк. – Там есть также и отряды догров. – Солдат яростно взглянул на него (потому что догры принадлежат к другой касте, чем сейки), а банкир захихикал.

– Для меня все они равны, – сказала девушка из Амритцара.

– Этому можно поверить, – злобно прошипела жена земледельца.

– Но все, кто служат сиркару с оружием в руках, составляют как бы братство. Есть братство касты, но кроме него, – она застенчиво оглянулась вокруг, – есть братство «пульта» – полка, не правда ли?

– Мой брат служит в полку джатов, – сказал земледелец. – Догры хорошие люди.

– Твои сейки были, по крайней мере, такого мнения, – сказал солдат, угрюмо поглядывая на спокойного старика в углу. – Твои сейки думали так, когда два наших отряда, около трех месяцев тому назад, помогли им у Пирцай-Коталя.

Он рассказал историю пограничной стычки, в которой отличились отряды догров, принадлежавшие полку сейков из Лудианы.

Девушка из Амритцара улыбнулась – она поняла, что он рассказывал, надеясь получить ее одобрение.

– Увы! – проговорила жена земледельца, когда солдат закончил рассказ. – И так, их села были сожжены, а их маленькие дети остались без крова?

– Они предали поруганию наших мертвецов. Они заплатили большую цену после того, как мы, сейки, проучили их. Что это, Амритцар?

– Да, и тут прорежут наши билеты, – сказал банкир, роясь в своем поясе.

Свет бледнел при свете зари, когда пришел кондуктор. Проверка билетов идет очень медленно на Востоке, потому что пассажиры прячут свои билеты в самые неподходящие места. Ким показал свой билет, и ему сказали, что он должен выйти на этой станции.

– Но ведь я еду в Умбаллу, – возражал он. – Я еду с этим святым человеком.

– Можешь ехать, куда тебе угодно; мне нет дела до этого. Но билет твой действителен только до Амритцара. Выходи.

Ким разразился потоком слез, доказывая, что лама для него и отец и мать, что он поддержка старости ламы и что лама умрет без него. Все пассажиры просили кондуктора сжалиться над Кимом – особенно красноречив был банкир, – но кондуктор выгнал Кима на платформу. Лама моргал глазами: он не понимал, в чем дело, а Ким громко кричал и плакал, стоя на платформе у окна купе.

– Я очень беден. Мой отец умер, моя мать умерла. О, милосердные люди, кто будет ухаживать за стариком, если я останусь здесь?

– Что это, что такое? – повторял лама. – Он должен ехать в Бенарес. Он должен ехать со мной. Он мой ученик. Если нужно заплатить деньги...

– Замолчи, – шепнул Ким, – что мы, раджи, чтобы бросать серебро, когда на свете столько добрых людей!

Девушка из Амритцара вышла с узлами в руках, и Ким следил за нею глазами. Он знал, что женщины ее профессии великодушны.

– Билет, билетик в Умбаллу, о победительница сердец!

Она засмеялась.

– Неужели в тебе нет жалости?

– Святой человек едет с севера?

– С севера, издалека! – крикнул Ким. – С гор.

– На севере среди сосен лежит снег, в горах тоже снег. Моя мать была из Кулу. Возьми себе билет. Попроси его благословить меня.

– Десять тысяч благословений! – громко крикнул Ким. – О, Служитель Божий, женщина оказала нам милосердие так, что я могу ехать с тобой, женщина с золотым сердцем! Я бегу за билетом.

Девушка взглянула на ламу, который машинально последовал на платформу за Кимом. Он наклонил голову, чтобы не видеть ее, и пробормотал что-то по-тибетски, когда она прошла мимо него в толпе.

– Легко достается, легко и уходит, – злобно проговорила жена земледельца.

– Она заслужит награду, – возразил лама. – Без сомнения, это монахиня.

– Таких монахинь тысяч десять в одном Амритцаре. Иди назад, старик, хватило не только на билет, но и на еду, – сказал Ким, вскакивая в вагон. – Ну, поешь, Служитель Божий! Взгляни. Наступает день.

Окрашенный в золотые, розовые, темно-желтые тона утренний туман рассеивался по гладкой земной поверхности. Весь прекрасный Пенджаб лежал в великолепии ярких лучей солнца. Лама отклонялся немного, когда мимо мелькали телеграфные столбы.

– Велика быстрота поезда, – сказал банкир с покровительственной усмешкой. – От Лагора мы проехали путь больший, чем прошли бы за два дня, и скоро приедем в Умбаллу.

– А все же далеко до Бенареса, – устало проговорил лама, разжевывая пирожки, которые дал ему Ким. Все пассажиры развязали свои узлы и принялись за утреннюю еду. Потом банкир, земледелец и солдат приготовили трубки и обволокли купе удушливым едким дымом, причем сами плевались, кашляли и наслаждались. Сейк и жена земледельца что-то жевали, лама нюхал табак и перебирал четки, а Ким, скрестив ноги, улыбался, наслаждаясь ощущением полноты желудка.

– Какие реки у вас, у Бенареса? – внезапно спросил лама, обращаясь к пассажирам вообще.

– У нас есть Ганг, – сказал банкир, когда умолкло легкое хихиканье, возбужденное этим вопросом.

– А другие?

– Какие же другие, кроме Ганга?

– Я думал о Реке, которая приносит исцеление.

– Так это и есть Ганг. Купающийся в нем очищается и отправляется к богам. Я трижды ходил паломником к Гангу.

Он с гордостью огляделся вокруг.

– Необходимо было, – сухо проговорил молодой сипай, и пассажиры расхохотались над банкиром.

– Очищается, чтобы снова вернуться к богам, – пробормотал лама. – И снова идти в водоворот жизни. – Он с неудовольствием покачал головой. – Но, может быть, тут есть ошибка. Кто же сотворил в начале Ганг?

– Боги. Какой же ты веры? – спросил пораженный банкир.

– Я следую Закону, Наивысшему Закону. Так боги сотворили Ганг? Какие же это были боги?

Пассажиры в изумлении смотрели на него. Им было непонятно, что кто-нибудь мог не знать Ганга.

– Кто... Кто же твой бог? – запинаясь, наконец проговорил ростовщик.

– Слушайте, – сказал лама, перекладывая четки в другую руку. – Слушайте, потому что теперь я говорю о нем. О, народ Индии, слушай!

Он начал на языке урду повествование о Будде, но, унесенный своими мыслями, перешел на тибетский язык и приводил длинные тексты из китайской книги о Будде. Кроткий, веротерпимый народ с благоговением смотрел на него. Вся Индия полна святых людей, проповедующих на незнакомых языках, потрясенных и сгорающих на огне своего рвения, мечтателей, болтунов и духовидцев; так было с начала, будет и до конца.

– Гм! – сказал солдат-сейк из Лудианы. – Вблизи нас стоял в Пирцай-Котале магометанский полк, и их жрец, я помню, он был капрал, когда у него случался припадок, принимался пророчествовать. Но все безумные – орудие в руках Божиих. Офицеры многое прощали этому человеку.

Лама вернулся к языку урду, припомнив, что он находится в чужой стране.

– Выслушайте рассказ о том, как наш Бог выпустил стрелу из лука, – сказал он.

Это пришлось им более по вкусу, и они с любопытством слушали, пока он говорил.

– Теперь, о люди Индии, я иду искать эту реку. Не знаете ли вы чего-нибудь, что могло бы служить мне указанием, ибо все мы, женщины и мужчины, погрязли во грехах.

– Есть только Ганг, один Ганг, который омывает грехи, – пробежал ропот среди пассажиров.

– Хотя, несомненно, у нас, в Джулундаре, есть добрые боги, – сказала жена земледельца, глядя в окно. – Посмотрите, как они благословили нашу жатву.

– Осмотреть все реки Пенджаба – сложное дело, – сказал ее муж. – Для меня достаточно реки, которая оставляет хороший ил на моей земле, и я благодарю Бумию, бога наших мест.

Он пожал узловатыми бронзовыми плечами.

– Ты думаешь, наш Господь ходил так далеко на север? – сказал лама, обращившись к Киму.

– Может быть, – успокоительно ответил Ким, выплевывая на пол красный сок жвачки.

– Последний из великих, – авторитетно проговорил сейк, – был Сикандер Джулкарн (Александр Великий). Он вымостил улицы и выстроил большой водоем вблизи Умбаллы. Эта мостовая цела до сих пор и водоем также там, Я никогда не слышал о твоём боге.

– Отпусти длинные волосы и говори по-пенджабски, – шутливо проговорил молодой солдат, обращаясь к Киму и приводя северную поговорку. – Вот все, что нужно для того, чтобы стать сейком. – Однако же он не очень громко проговорил эти слова.

Лама вздохнул и погрузился в себя; он съежился и казался грязной, бесформенной массой. В минуты тишины пассажиры могли слышать тихое,

монотонное жужжание: «Ом мани падмэ ом!» [7 - Буддийская молитвенная фраза.] – и стук деревянных четок.

– Это раздражает меня, – наконец проговорил он. – Раздражают быстрота и шум. К тому же мне иногда кажется, что мы проехали реку.

– Тише, тише, успокойся, – сказал Ким. – Разве река не вблизи Бенареса? А мы еще далеко от тех мест.

– Но если наш Господь пришел с севера, то, может быть, это была одна из тех маленьких рек, что мы переезжаем?

– Я не знаю.

– Но ты был послан мне, ведь ты был послан? За мои заслуги в монастыре. Ты вышел из-за пушки и явился мне в двух видах и в двух разных одеждах.

– Тише, – шепнул Ким. – Здесь не нужно говорить о таких вещах. Я был все тот же. Подумай и вспомнишь. Мальчик, мальчик-индус у большой зеленой пушки.

– Но разве там не было и англичанина с седой бородой, святого среди изображений, который сам подтвердил мое мнение о Реке Стрелы?

– Он и мы отправились в Аджайб-Гер, в Лагоре, чтобы помолиться там богам, – объяснил Ким пассажирам, которые совершенно открыто слушали их разговор. – И сахиб в Доме Чудес говорил с ним. Как брат, это правда. Он очень святой человек из-за далеких гор. Успокойся. В свое время мы приедем в Умбаллу...

– Но моя река, река, дающая исцеление? Мы не пропустили ни единого ручейка.

– Тогда, если хочешь, пойдем пешком отыскивать реку.

– Но ведь и ты ищешь чего-то? – Лама, очень довольный, что помнит так хорошо, выпрямился и сел.

– Да, – сказал в угоду ему Ким. Мальчик был очень счастлив, что может жевать бетель и видеть новых приятных людей.

– Это бык – Красный Бык, который должен прийти, чтобы помочь тебе и увезти – но куда? Я забыл. Красный Бык на зеленом поле, не правда ли?

– Никуда он меня не отвезет, – сказал Ким. – Я просто рассказал тебе сказку.

– Что такое? – жена земледельца наклонилась, звякая браслетами. – Что вы оба, бредите, что ли? Красный Бык на зеленом поле, который унесет тебя на небо – или куда? Что это было – видение? Или кто-нибудь напророчил это тебе? У нас, в нашем селении, за городом Жландар, есть красный бык, и он больше всего любил пастись на самом зеленом нашем лугу.

– Дай женщине старый рассказ, а птице, вьющей гнездо, – лист и нитку, и они сделают удивительные вещи, – сказал сейк.

– Все святые люди видят сновидения, а их ученики, следуя за святыми людьми, приобретают эту силу.

– Красный Бык на зеленом поле, не так ли? – повторил лама. – Может быть, прежней жизнью ты заслужил награду, и Бык придет, чтобы вознаградить тебя.

– Нет, нет, это просто рассказы, вероятно, ради шутки. Но я поищу Быка вблизи Умбаллы, а ты можешь поискать твою реку и отдохнуть от шума поезда.

– Может быть, Бык знает, может быть, он послан указать путь обоим нам, – сказал лама, полный надежды, как ребенок. Потом он обратился к пассажирам и сказал, указывая на Кима:

– Вот он послан мне только вчера. Я думаю, что он не от мира сего.

– Встречала я множество нищих и святых людей, но никогда еще не видела такого иоги и такого ученика, – сказала женщина.

Ее муж дотронулся до лба пальцем и улыбнулся. Но когда лама захотел есть, они заботливо отдали ему все самое лучшее.

Наконец, усталые, сонные, запыленные, они добрались до городской станции Умбаллы.

– Мы живем здесь, пока идет наш процесс, – сказала жена земледельца Киму. – Мы разместились у младшего брата двоюродного брата моего мужа. Там на дворе найдется место для твоего иоги и для тебя. Не даст ли он мне своего благословения?

– О, Служитель Божий! Женщина с золотым сердцем дает нам ночлег. Приветлива здешняя южная страна. Посмотри, как многие помогли нам с самого начала дня.

Лама опустил голову в знак благословения.

– Наполнять дом младшего брата моего двоюродного брата бродягами! – начал муж, вскидывая на плечо свою толстую бамбуковую палку.

– Младший брат твоего двоюродного брата должен двоюродному брату моего отца еще со времени свадебного пира его дочери, – резко ответила жена. – Пусть они отнесут наш прокорм на этот счет. Я не сомневаюсь, что иога будет просить милостыню.

– Я прошу за него, – сказал Ким, который только и думал о том, как бы устроить ламу на ночь, а самому отыскать англичанина Махбуба Али и передать ему родословную белого жеребца. – Ну, – сказал он, когда лама бросил якорь во внутреннем дворе приличного индусского дома, стоявшего недалеко от мест расквартирования войск. – Я уйду на некоторое время, чтобы... чтобы купить провизии на базаре. Не выходи отсюда, пока я не приду.

– Ты вернешься? Обязательно вернешься? – Старик схватил мальчика за руку. – И вернешься в этом же виде? Что, теперь уже слишком поздно искать реку?

– Слишком поздно и слишком темно. Успокойся. Подумай, как далеко ты ушел по дороге. Ведь теперь ты уже за сто косов от Лагора.

– Да, и отдалился от моего монастыря. Увы! Это великий и страшный мир!

Ким тихо прокрался со двора; невзрачный с виду, он нес между тем свою собственную судьбу и судьбу десятков тысяч людей в бумаге, повешенной на его шее. Указания Махбуба не оставляли никакого сомнения насчет дома, где жил англичанин, а грум, привезший догкорт из клуба, еще более убедил Кима в правильности его направления. Осталось только установить подлинность самого англичанина. Ким проскользнул в садовую калитку и спрятался в высокой траве вблизи веранды. Дом горел огнями, слуги двигались вокруг столов, уставленных цветами, хрусталем и серебром. На веранду, напевая песенку, вышел англичанин, одетый в черный с белым костюм. Было слишком темно, чтобы разглядеть его лицо. Ким, умудренный опытом, обратился к старинному средству.

– Покровитель бедных!

Англичанин обернулся в ту сторону, откуда слышался голос.

– Махбуб Али говорил...

– А! Что говорит Махбуб Али? – Он не сделал попытки отыскать говорящего, и Ким понял, что он знает, в чем дело.

– Родословная белого жеребца вполне установлена.

– Какое доказательство? – Англичанин ударил хлыстиком по розовому кусту на дороге.

– Махбуб Али дал мне это доказательство. – Ким бросил вверх пакет со сложенной бумагой, и он упал на дорожку рядом с англичанином, который наступил на него ногой при виде вышедшего из-за угла садовника. Когда слуга прошел, англичанин поднял пакет, бросил рупию – Ким слышал, как она звякнула о землю – и, не оборачиваясь, вошел в дом. Ким быстро поднял монету; но, несмотря на свое воспитание, он был достаточно ирландцем, чтобы не считать деньги самой ничтожной вещью в игре. Ему хотелось видеть действие переданного им известия; поэтому, вместо того чтобы выбраться из сада, он плотно прижался к траве и, как червь, пополз к веранде.

Он увидел – индийские бунгало открыты со всех сторон, – как англичанин вернулся в маленькую комнату в углу веранды, служившую чем-то вроде

конторы, с разбросанными бумагами и телеграммами, и принялся за чтение послания Махбуба Али. Его лицо, на которое падал свет керосиновой лампы, изменилось и потемнело, и Ким, привыкший, как всякий нищий, следить за выражением лиц людей, заметил это.

– Уилли! Милый Уилли! – крикнул женский голос. – Тебе пора быть в гостиной. Они будут здесь через минуту.

Англичанин продолжал внимательно читать.

– Уилли! – через пять минут повторил тот же голос. – Он приехал. Я слышу топот лошадей на дороге.

Англичанин выбежал с непокрытой головой, как раз в ту минуту, когда ландо, сопровождаемое четырьмя туземцами-кавалеристами, остановилось перед верандой и высокий, черноволосый человек, прямой, как стрела, вышел из него, сопровождаемый молодым, весело смеявшимся офицером.

Ким лежал на животе, почти касаясь высоких колес. Англичанин и смуглый незнакомец обменялись двумя фразами.

– Конечно, сэр, – быстро ответил молодой офицер. – Все может подождать, когда дело идет о лошади.

– Мы опоздаем не более как на двадцать минут, – сказал англичанин Кима. – Вы можете принять, занять их и вообще сделать все, что следует.

– Скажите одному из солдат, чтобы подождал, – сказал высокий человек, и оба прошли в комнату. Ландо уехало. Ким увидел, как обе головы склонились над посланием Махбуба Али, и услышал голоса: один – тихий и почтительный, другой – резкий и решительный.

– Это вопрос не недель даже. Это вопрос дней, почти часов, – говорил старший из собеседников. – Я уже давно ожидал этого, но, – он ударил по записке Махбуба Али, – вот и подтверждение. Гроган обедает здесь сегодня.

– Да, сэр, и Мэклин тоже.

– Очень хорошо. Я сам переговорю с ними. Дело будет, конечно, передано в Совет, но в этом случае можно приступить немедленно к действию на вполне законном основании. Предупредите бригады в Пинди и Пешавуре. Это дезорганизует все летние занятия, но мы не можем поступить иначе. Все происходит оттого, что не сразу раздавили их. Восемью тысяч должно хватить.

– Как насчет артиллерии, сэр?

– Я должен посоветоваться с Мэкклином.

– Так значит – война?

– Нет. Наказание. Когда человек связан поступком своего предшественника...

– Но, может быть, С.25 лжет.

– Он подтверждает сведения другого. В сущности, они выдали свою игру полгода тому назад. Но Дивиниш уверил, что есть шанс на мир. Конечно, они воспользовались этим временем, чтобы пополнить свои силы. отошлите немедленно эти телеграммы – по новому шифру, не старому – мою и Уартона. Я думаю, нам не следует дольше задерживать дам. Остальное мы можем решить за сигарами. Я так и думаю. Это наказание, а не война.

Когда кавалеристы уехали, Ким добрался ползком до задней части дома, где, судя по своим лагорским воспоминаниям, надеялся получить пищу и сведения. Кухня была наполнена взволнованными поварами, которые выгнали его.

– Ай, ай! – проговорил Ким с притворными слезами. – Я пришел помочь вытирать тарелки, чтобы наполнить живот.

– Вся Умбалла пришла сюда за тем же. Убирайся! Теперь несут суп. Неужели ты думаешь, что нам, служащим сахиба Крейтона, нужны чужие повара, чтобы помогать при большом обеде?

– Это очень большой обед, – сказал Ким, глядя на блюда.

– Чего же удивляться? Почетный гость не кто иной, как Джанг-и-Лат-сахиб (главнокомандующий).

– Ого! – произнес Ким подлинным горловым звуком удивления. Он узнал то, что хотел узнать, и, когда поваренок вернулся, его уже не было.

«И вся эта тревога, – сказал он себе, думая, по обыкновению, на индостанском языке, – из-за родословной лошади! Махбубу Али следовало бы немного поучиться у меня, как надо лгать. Прежде, когда я носил послания, это всегда касалось женщин. Теперь мужчин. Это лучше. Высокий человек сказал, что они потеряют большую армию, чтобы наказать кого-то где-то, новости идут в Пинди и Пешавур. Там есть и пушки. Следовало бы мне прокрасться поближе. Это важные новости».

Он вернулся и нашел младшего брата двоюродного брата земледельца обсуждающим все подробности процесса с земледельцем, его женой и несколькими друзьями. Лама дремал. После ужина Киму подали трубку, и он чувствовал себя вполне взрослым, потягивая табак из гладкой скорлупы кокосового ореха, протянув ноги при лунном свете и вставляя время от времени в разговор свои замечания.

Хозяева были чрезвычайно вежливы с ним, потому что жена земледельца рассказала им о его видении Красного Быка и вероятном нисхождении из другого мира. К тому же лама возбуждал большое благоговейное любопытство. Позднее зашел сарсутский брамин, отличавшийся веротерпимостью, и, понятно, начал теологический разговор, чтобы произвести впечатление на хозяев. По вере, конечно, все были на его стороне, но лама был гость и представлял особый интерес своей новизной. Его кротость, доброта и внушительные цитаты на китайском языке, звучавшие как заклинания, приводили в восторг слушателей; и в этой атмосфере простоты и сочувствия лама развернулся, как лотос Бодисатвы, рассказывая о своей жизни на высоких горах Суч-Дзэна, «прежде чем я поднялся, чтобы искать просветления», как говорил он.

Потом обнаружилось, что во время своей светской жизни он был знатоком гороскопов и расположения звезд в час рождения. Брамин заставил его описать методы, которыми он пользовался. Каждый из них называл планеты именами, непонятными для другого, показывая вверх на большие звезды, сверкавшие во мраке. Дети хозяев безнаказанно теребили четки ламы, а он сам совершенно забыл о правиле, запрещающем смотреть на женщин, говоря о вечных снегах,

обвалах, занесенных проходах, далеких горах, где люди находят сапфиры и бирюзу, и об удивительном пути по плоскогорью, ведущем в самый Великий Китай.

- Что ты думаешь об этом человеке? – спросил тихонько земледелец брамина.

- Святой человек, действительно, святой. Его боги – не настоящие боги, но он идет по верному пути, – ответил брамин. – А его способ составлять гороскопы, тебе это недоступно, – мудр и верен.

- Скажи мне, – лениво проговорил Ким, – найду ли я Красного Быка на зеленом поле, как было обещано мне?

- Что тебе известно о часе твоего рождения? – спросил брамин, преисполняясь важности.

- Между первым и вторым криком петуха в первую ночь мая.

- Которого года?

- Я не знаю, но в тот час, когда я закричал впервые, произошло сильное землетрясение в Сринагуре, что находится в Кашмире. – Ким знал это от присматривавшей за ним женщины, которая, в свою очередь, узнала это от Кимбалля О'Хара. Землетрясение было ощущаемо и в Индии и надолго осталось исходной точкой летосчисления в Пенджабе.

- Ай! – взволнованно проговорила какая-то женщина. Это событие еще более подчеркивало необыкновенное происхождение Кима. – Не тогда ли родилась и дочь?

- А ее мать принесла своему мужу четырех сыновей в четыре года – славных мальчиков! – крикнула жена земледельца, сидя несколько поодаль, в тени.

- Никто, обладающий знанием, не забудет, как стояли в эту ночь планеты в своих созвездиях, – сказал брамин. Он начал рисовать на песке, покрывавшем двор. – Ты имеешь право, по крайней мере, на половину созвездия Тельца. Что гласит твое пророчество?

– В один прекрасный день, – сказал Ким, восхищенный вызываемой им сенсацией, – я стану великим, благодаря Красному Быку на зеленом поле, но прежде явятся два человека, которые приготовят все.

– Да, так всегда бывает в начале видения. Глубокая тьма, которая постепенно проясняется. Вдруг входит некто с метлой и готовится место. Тогда начинается видение. Два человека, говоришь ты? Да, да. Солнце, выходя из созвездия Тельца, входит в созвездие Близнецов. Оттуда и два человека в твоём предсказании. Посмотрим. Дай мне ветку, малютка.

Он нахмурил брови, писал на песке какие-то таинственные знаки, стирал их, потом снова писал – к изумлению всех, кроме ламы, который, с инстинктивной чуткостью, воздерживался от вмешательства.

Через полчаса он сердито отбросил ветвь.

– Гм. Вот что говорят звезды. Через три дня придут двое людей, чтобы приготовить все, за ними последует Бык; но знамение, противное ему, – это знамение войны и вооруженных людей.

– Действительно, в вагоне, в котором мы ехали из Лагора, был солдат-сейк из лудианского полка, – радостно сказала жена земледельца.

– О! Вооруженные люди – много сотен. Какое отношение имеешь ты к войне? – сказал брамин Киму. – Твой знак – красный, гневный знак войны, который вскоре проявится в жизни.

– Никакого, никакого! – горячо сказал лама. – Мы ищем только мира и нашу реку.

Ким улыбнулся, вспомнив, что он подслушал в комнате. Решительно, он был любимцем звезд.

Брамин стер ногой грубо набросанный гороскоп.

– Более я ничего не могу увидеть. Через три дня Бык придет к тебе, мой мальчик.

– И моя река, моя река! – с мольбой проговорил лама. – Я надеялся, что его Бык приведет нас обоих к реке.

– Увы, что касается этой удивительной реки, то подобные вещи не очень-то обыкновенны, брат мой, – ответил брамин.

На следующее утро лама стал настаивать на отправлении в путь, несмотря на все уговоры остаться. Хозяева дали Киму большой узел с хорошей едой и три медных монеты на дорогу и, осыпая их благословениями, смотрели при свете утренней зари вслед уходящим на юг.

– Как жаль, что подобные люди не могут быть освобождены от Колеса Всего Сущего, – сказал лама.

– Тогда на земле остались бы только дурные люди, и кто дал бы нам мясо и приют? – проговорил Ким, весело шагая со своей ношей.

– Вон там маленькая речка. Посмотрим, – сказал лама, и он свернул с белой дороги в поле, попав в самый центр стаи бездомных собак.

Глава третья

За жизнь цепляясь, голос духа

Зовет на высшую ступень.

Сильны законы Девадатты,

Но Камакуры близок день.

Сзади них бежал сердитый фермер, размахивая бамбуковой палкой. Это был садовник, который выращивал овощи и цветы для Умбаллы. Ким отлично знал людей этого сорта.

– Этот человек, – сказал лама, не обращая внимания на собак, – невежлив к чужестранцам, невоздержан в речах и немилостив. Пусть его поведение служит предостережением тебе, мой ученик.

– Эй, бесстыдные попрошайки! – крикнул фермер. – Убирайтесь! Вон отсюда!

– Идем, – со спокойным достоинством ответил лама. – Мы уйдем с этих неблагословенных полей.

– Ах, – сказал Ким, втягивая в себя воздух, – если у тебя будет неурожай, можешь бранить только свой язык.

Фермер озабоченно затоптался на месте.

– Страна полна нищих, – начал он, как бы извиняясь.

– А по какому признаку ты узнал, что мы собираемся просить у тебя, о Мали? – резко ответил Ким, назвав его именем, самым ненавистным для каждого торговца-садовника. – Мы только хотели посмотреть реку, что вон за тем полем.

– Реку, скажите пожалуйста! – фыркнул фермер. – Из какого вы народа, что не знаете, что это проведенный канал? Он бежит прямо, как стрела, а я плачу за воду, как будто она расплавленное серебро. Там дальше есть река. Но если вам нужно воды, я могу дать вам, а также и молока.

– Нет, мы пойдем к реке, – сказал лама и пошел вперед быстрым шагом.

– Молока и еды, – запинаясь, проговорил садовник, глядя на странную высокую фигуру. – Я не хотел бы навлекать дурного на себя или на мой урожай, но в эти тяжелые дни так много нищих.

– Обрати внимание, – сказал лама Киму. – Он говорил так грубо под влиянием красной дымки гнева. Когда эта дымка перед его глазами рассеялась, он стал вежливым и добродушным. Да будут благословенны его поля. Берегись, о фермер, не суди людей слишком поспешно.

– Я встречался со святыми людьми, которые прокляли бы у тебя все, начиная от очага до коровьего хлева, – сказал Ким пристыженному фермеру. – Ну не мудрили, не свят ли он? Я его ученик.

Он важно вздернул нос и пошел по узкой меже с видом полным достоинства.

– В нем нет гордости, – после некоторого молчания проговорил лама, – в тех, кто избирает Срединный путь, нет гордости.

– Но ты сказал, что он низкой касты и невежлив.

– Я не сказал низкой касты, потому что как может быть то, чего нет? Впоследствии он загладил свою невежливость, и я простил ему его оскорбление. К тому же он, как и мы, во власти Закона Вещей и не идет по пути освобождения. – Лама остановился у маленького ручейка среди полей и стал разглядывать истоптанный копытами берег.

– Ну, как же ты узнаешь свою реку? – сказал Ким, усаживаясь на корточках в тени высокого сахарного тростника.

– Когда я найду ее, то, наверно, будет дано указание. Я чувствую, что это не здесь. О, самая маленькая из вод, если бы ты могла сказать мне, где течет моя река! Но будь благословенна и ты, оплодотворяй землю.

– Смотри! Смотри! – Ким вскочил и оттащил его от реки. Какая-то желто-коричневая полоса выползла на берег из пурпуровых шелестящих стеблей, протянула голову к воде, напилась и легла спокойно. То была большая белая кобра с неподвижными глазами без век.

– У меня нет палки... Эх, у меня нет палки! – сказал Ким. – Но достану и переломаю об ее спину.

– Зачем? И она подвержена тому же Колесу Всего Сущего, как и мы! Жизни, поднимающейся или опускающейся, очень далекой от освобождения. Большое зло должна была сделать душа, заключенная в эту оболочку.

– Я ненавижу всех змей, – сказал Ким. Никакое туземное воспитание не может ослабить ужаса белых людей при виде змеи.

– Оставь ее жить, сколько ей положено. – Свернувшаяся змея зашипела и полуоткрыла свою пасть. – Да придет скорее твое освобождение, брат мой, – спокойно продолжал лама. – Может быть, ты случайно знаешь, где находится моя река?

– Никогда не видел такого человека, как ты, – шепнул пораженный Ким. – Неужели даже змеи понимают твои слова?

– Кто знает? – Он отошел на один фут от поворачивавшей голову кобры.

– Иди! – крикнул он через плечо Киму.

– Ну уж нет, – сказал Ким, – я обойду кругом.

– Иди. Она не причинит тебе вреда.

Ким колебался одно мгновение. Лама повторил приказание, снабдив его какой-то монотонной цитатой на китайском языке, которую Ким принял за заклинание. Он послушался и прыгнул через речку. Змея действительно не подала и признака жизни.

– Никогда не видел такого человека. – Ким вытер пот со лба. – Куда же мы теперь идем?

– Это ты должен сказать. Я – старик и чужестранец, вдали от моей страны. Если бы от железной дороги у меня не наполнялась голова дьявольским шумом, я поехал бы теперь в Бенарес... Но тогда мы могли бы пропустить реку. Будем искать ее.

Там, где хорошо обработанная почва даст три и даже четыре жатвы в год, среди плантаций сахарного тростника, табаку, длинных белых растений «ноль-коль» они бродили целый день, поворачивая в ту сторону, где виднелась вода, при этом они будили деревенских собак и жителей сел, спящих в полдень. Лама отвечал на громкие вопросы с неизменной простотой. Они искали реку – реку

чудесного исцеления. Не знает ли кто-нибудь такой реки? Иногда слушатели смеялись, но чаще выслушивали историю до конца и предлагали местечко в тени, молоко и еду. Женщины повсюду были добры, а дети, как на всем свете, то робки, то смелы. Вечер застал их на отдыхе под деревом в деревушке с грязными стенами и крышами. Они разговаривали со старшиной в то время, когда скот возвращался с пастбища, а женщины приготавливали ужин. Они вышли из пояса садов, поставляющих фрукты и овощи на рынок голодной Умбаллы, и находились теперь среди тянувшихся на несколько миль лугов.

Старшина был любезный старик с седой бородой, привыкший встречать чужестранцев. Он вытащил веревочную койку для ламы, поставил перед ним горячее кушанье, набил трубку и, так как вечерняя служба в сельской пагоде окончилась, послал за жрецом.

Ким рассказывал детям постарше о размерах и красоте Лагора, о путешествии по железной дороге и о жизни в городе вообще; взрослые разговаривали так же медленно, как их скот пережевывает жвачку.

– Я не могу понять этого, – сказал наконец старшина деревни. – Как понимаешь ты его слова? – Лама, закончив свой рассказ, молча перебирал четки.

– Он – Идущий, – ответил жрец. – Страна полна такими людьми. Помнишь того, кто приходил сюда в прошлом месяце, факир с черепахой?

– Да, но на стороне этого человека были разум и справедливость, потому что ему явился сам Кришна и обещал ему рай без погребального костра, если он совершит путешествие в Прайяг (Аллахабад). Этот же человек ищет неизвестного мне бога.

– Тише! Он стар, он пришел издалека и он безумный, – ответил гладко выбритый жрец. – Выслушай меня, – обратился он к ламе. – В трех косах (шести милях) отсюда к западу проходит большая дорога в Калькутту.

– Но я хотел бы идти в Бенарес, в Бенарес.

– И также в Бенарес. Она пересекает все реки по эту сторону Инда. Мой совет тебе, Служитель Божий, отдохни здесь до завтра. Потом пойдешь по этой дороге (он говорил про большую, главную ветвь дороги) и испытай каждую реку, через

которую она проходит; потому что, насколько я понимаю, река, которую ты ищешь, обладает своим особым свойством не в каком-нибудь одном месте, но на всем своем протяжении. Тогда, если угодно будет твоим богом, будь уверен, что обретешь свободу.

– Хорошо сказано. – Этот план произвел сильное впечатление на ламу. – Мы начнем завтра, и да будешь ты благословен за то, что показал старым ногам такой близкий путь.

Фраза окончилась чем-то вроде песнопения на китайском языке. Даже на жреца она произвела впечатление, а старшина испугался злых чар, но достаточно было взглянуть на простодушное, серьезное лицо ламы, чтобы перестать сомневаться в нем.

– Видишь моего челу? – сказал лама, из вежливости опуская руку в протянутую ему тыквенную бутылку с табаком.

– Я вижу и слышу.

Старшина взглянул в сторону Кима, болтавшего с девушкой в синей одежде, которая подбрасывала в огонь ветки терновника.

– Он также Ищущий. Он ищет не Реку, а Быка. Да, Красный Бык на зеленом поле вознесет его со временем к почестям. Я думаю, он не вполне от мира сего. Он был внезапно послан мне, чтобы помочь в моих поисках, а имя его – Маленький Всеобщий Друг.

Жрец улыбнулся.

– Эй, Всеобщий Друг, – крикнул он, утопая в облаках дыма, – что ты такое?

– Ученик этого святого человека, – сказал Ким.

– Он говорит, что ты дух.

– А могут духи есть? – подмигивая, проговорил Ким. – Я голоден.

– Это не шутка! – вскрикнул лама. – Некий астролог в городе, название которого я забыл...

– Ни более ни менее как город Умбалла, в котором мы провели эту ночь, – шепнул Ким жрецу.

– А, так это Умбалла! Он составил гороскоп и объявил, что желание моего ученика исполнится через два дня. Но что он говорил про звезды, Всеобщий Друг?

Ким прочистил горло и оглядел деревенских стариков.

– Разгадка моей звезды – война, – торжественно ответил он.

Кто-то рассмеялся при виде маленького оборвыша, вызывающе выпрямившегося на кирпичном плинтусе под деревом. Туземец смиренно прилег бы при этом смехе. Кровь, кипевшая в жилах Кима, заставила его вскочить на ноги.

– Да, война, – повторил он.

– Это верное пророчество, – проговорил низкий голос. – Потому что вдоль границы, насколько я знаю, постоянно идет война.

То был старый истощенный человек, туземный офицер, служивший правительству во время индийского восстания, в только что образованном кавалерийском полку. Правительство дало ему хорошее поместье, и, хотя притязания его сыновей, также уже седобородых офицеров, разорили его, он все же оставался значительным лицом. Английские чиновники – даже депутаты – сворачивали с пути, чтобы навестить его. В таких случаях он надевал свой старый мундир и стоял прямо, как шомпол ружья.

– Но это будет большая война – война восьми тысяч! – пронзительно, сам удивляясь себе, крикнул Ким быстро собравшейся вокруг него толпе.

– Красные мундиры [8 - Мундиры английских войск.] или наши полки? – отрывисто спросил старик, как бы говоря с равным. Его тон вызвал уважение к Киму.

- Красные мундиры, - наудачу сказал Ким. - Красные мундиры и пушки.

- Но... но астролог не говорил ни слова об этом! - крикнул лама, в волнении усиленно нюхая табак.

- Но я знаю. Слово дошло до меня, ученика этого Служителя Божия. Вспыхнет война - война восьми тысяч красных мундиров. Они будут созваны из Пинди и Пешавура. Это верно.

- Мальчик слышал какие-нибудь разговоры на базаре, - сказал жрец.

- Но он все время был при мне, - сказал лама. - Как мог он узнать? Я не знал.

- Ловкий это будет шарлатан, когда умрет старик, - пробормотал жрец старшине. - Что это за новая штука?

- Знамение! Дай мне знамение! - внезапно прогремел старый воин: - Если бы была война, мои сыновья сообщили бы мне.

- Твоим сыновьям, наверно, скажут, когда все будет готово. Но от твоих сыновей до человека, в руках которого все находится, путь длинен.

Игра увлекла Кима, потому что напоминала ему о приключениях при передаче писем, когда он, ради нескольких мелких монет, представлялся, что знает больше, чем знал на самом деле. Теперь он играл из-за возбуждения и сознания своей силы. Он вздохнул и продолжал:

- Старик, ты дай знамение мне, могут ли низшие офицеры отдавать приказания насчет отправления восьми тысяч красных мундиров - с пушками?

- Нет.

Старик продолжал отвечать Киму, как равному.

- Ты знаешь того, кто отдает приказания?

– Я видел его.

– Так что можешь узнать его?

– Я знал его еще артиллерийским лейтенантом.

– Высокий человек. Высокий, черноволосый человек, который ходит вот так.

Ким сделал несколько шагов, придав своей фигуре натянутый, деревянный вид.

– Да. Но всякий мог видеть его.

Толпа прислушивалась к разговору, затаив дыхание.

– Это правда, – сказал Ким. – Но я скажу больше. Взгляни теперь. Сначала великий человек ходит вот так. Потом он думает вот так. (Ким провел указательным пальцем по лбу и потом вниз до края челюсти.) Вдруг он ломает пальцы – вот так. Вдруг берет шляпу под мышку с левой стороны. (Ким изобразил это движение, стоя прямо, словно аист.)

Старик вздохнул, от изумления он не мог выговорить ни слова. Толпа вздрогнула.

– Так... так... так!.. Но что он делает, когда собирается отдать приказание?

– Он потирает кожу на затылке – вот так. Потом опускает палец на стол и слегка вытягивает воздух ноздрями. Потом он говорит: «Отправьте такой-то, такой-то полк. Вызовите такие-то пушки».

Старик с трудом поднялся и отдал честь.

– Потому что, – Ким перевел на туземное наречие решительные слова, слышанные им в Умбалле – потому что, сказал он, нам следовало сделать это давно. Это не война – это наказание.

– Довольно. Я верю. Я видел его таким в дыму сражений. Видел и слышал. Это он!

– Я не видел дыма, – голос Кима принял восторженно-певучий тон шарлатана-предсказателя, сидящего на дороге. – Я видел это во тьме. Сначала пришел один человек, чтобы объяснить дело. Потом приехали всадники. Затем явился он в круге света. Остальные следовали за ним, как я говорил. Старик, сказал я правду?

– Это он! Нет никакого сомнения – это он!

Толпа протяжно, прерывисто вздохнула, глядя то на старика, внимательно слушавшего, то на оборванца Кима, силуэт которого выделялся в пурпурных сумерках.

– Говорил я или не говорил, что он из другого мира? – с гордостью воскликнул лама. – Он – Всеобщий Друг! Он друг звезд!

– По крайней мере, это не касается нас! – крикнул кто-то из толпы. – О, молодой предсказатель, если ты владеешь этим даром... у меня есть корова, красная с пятнами... Почему знать, может быть, она сестра твоему Красному Быку...

– Меня это не касается, – сказал Ким. – Моим звездам нет дела до твоего скота.

– Но она очень большая, – вмешалась какая-то женщина. – Мой муж – буйвол; иначе он выбрал бы другие слова. Скажи мне, выздоровеет ли она?

Будь Ким обыкновенным мальчиком, он продолжал бы игру, но он не напрасно изучал тринадцать лет город Лагор и всех факиров у ворот Таксали, и он научился понимать человеческую натуру.

Жрец искоса, с некоторой горечью смотрел на него – сухая, уничтожающая улыбка играла на его губах.

– Разве в деревне нет жреца? Мне казалось, что я только что видел одного – и очень важного! – крикнул Ким.

- Да, но... - начала женщина.

- Но ты и твой муж надеялись, что твоя корова может быть излечена ради нескольких слов благодарности? - Стрела попала в цель: это была самая глупая пара в деревне. - Нехорошо отказывать храму в жертве. Дай теленка своему жрецу, и, если только твои боги не разгневались на тебя бесповоротно, корова даст тебе молока через месяц.

- Ты мастер своего дела, - одобрительно проговорил жрец. - Упражняйся ты сорок лет в хитрости, не мог бы быть ловчее. Наверно, ты обогатил этого старика?

- Немного муки, немного масла и щепотка кардамона, - ответил Ким, вскакивая при похвале, но сохраняя осторожность, - можно ли разбогатеть от этого? А он, как ты видишь, безумный. Но это помогает мне, пока я изучаю Путь.

Он знал, как факиры у Таксалийских ворот разговаривали между собой, и подражал даже интонациям голоса их распутных учеников.

- Что такое его искание - истинно ли оно или прикрывает какие-нибудь иные цели? Это может быть для него настоящим сокровищем.

- Он безумен, совершенно безумен. Вот и все.

Старик воин подошел, хромая, и спросил Кима, не воспользуется ли он его гостеприимством на эту ночь. Жрец посоветовал Киму принять это приглашение, но настаивал, что честь пригласить ламу принадлежит храму. Лама простодушно улыбнулся при этих словах. Ким смотрел то на одного, то на другого и вывел свои заключения.

- Где деньги? - шепотом спросил он старика, отозвав его в темный уголок.

- У меня за пазухой. Где же они могут быть?

- Отдай мне их. Потихоньку и поскорее.

- Но зачем? Ведь здесь не надо покупать билета.

– Твой я ученик или нет? Разве я не охраняю твои старые ноги в пути? Дай мне деньги, а на заре я возвращу их тебе. – Он просунул руку за пояс ламы и вынул кошелек.

– Пусть будет так, пусть будет так. – Старик покачал головой. – Это обширный и страшный мир. Я не знал, что в нем живет столько людей.

На следующее утро жрец был в очень дурном настроении, а лама вполне счастлив. Ким провел чрезвычайно приятный вечер со стариком, который принес свою кавалерийскую саблю и, покачивая ее на своих коленях, рассказывал про восстание и молодых капитанов, уже тридцать лет лежавших в могилах, пока Ким не заснул.

– Воздух этой страны действительно хорош, – сказал лама. – Я сплю чутко, как все старые люди, но эту ночь я проспал беспробудно до самого утра. И теперь я как будто еще не проснулся.

– Выпей глоток горячего молока, – сказал Ким, которому нередко приходилось приносить такое лекарство своим знакомым курильщикам опиума. – Пора отправляться в путь.

– В длинный путь, через который протекают все реки Индостана, – весело сказал лама. – Идем. Но чем думаешь ты вознаградить этих людей, и в особенности жреца, за их великую доброту? Правда, здесь, в этой жизни, они и идолопоклонники, но в другой жизни, может быть, получают просветление... Рупию на храм? То, что там внутри, – только камень, окрашенный в красную краску, но сердце человека, если оно доброе, мы должны признавать всегда и повсюду.

– Служитель Божий, бывал ты когда-нибудь один в пути? – Ким взглянул пронизательно, словно индийские вороны, проявляющие такую усердную активность на полях.

– Конечно, дитя, от Кулу до Патанкота, от Кулу, где умер первый ученик. Когда люди бывали добры к нам, мы оставляли их богам приношения, и все в горах хорошо относились к нам.

– В Индостане иное дело, – сухо сказал Ким. – У их богов много рук, и они злобны. Оставь их в покое.

– Я провожу тебя немного по дороге, Всеобщий Друг, тебя и твоего желтолицего. – Старый воин, худой, как скелет, подъехал на тощем пони-иноходце. – Прошлый вечер разбудил источники воспоминаний в моем иссохшем сердце и был благословением для меня. Война действительно в воздухе. Я чую ее. Смотри! Я привез мою саблю.

Он сидел на маленьком пони, длинноногий, с большой саблей на боку, с рукой, опущенной на эфес, и оглаживал свирепым взглядом тянувшиеся к северу равнины. – Расскажи мне еще раз, каким он явился тебе в видении. Садись сзади меня. Лошадь выдержит нас обоих.

– Я – ученик этого святого человека, – сказал Ким, когда они вышли из ворот деревни, жители которой, казалось, были почти огорчены расставанием с ними, только прощание жреца было холодно и сдержанно. Он истратил опиум на человека, у которого не было денег с собой.

– Хорошо сказано. Я не очень привык к святым людям, но почтительность всегда хорошее дело. В нынешнее время почтительности не существует – я не вижу ее даже тогда, когда какой-нибудь сахиб комиссариата навещает меня. Но зачем тот, кого его звезда ведет к войне, следует за Служителем Божиим?

– Он действительно Служитель Божий, – горячо сказал Ким. – Святой по правдивости, словам и поступкам. Он не похож на других. Я никогда не видел, такого человека. Мы не гадальщики, не фокусники и не нищие.

– Что касается тебя, то я вижу, что это правда; другого не знаю. Но ходит он хорошо.

Свежесть раннего утра увлекала ламу, и он шел большими, легкими шагами, похожими на шаги верблюда. Он погрузился в размышления и машинально перебирал четки.

Они подвигались вперед по изрытой колеями, истоптанной дороге, которая, извиваясь, шла по равнине между большими темно-зелеными рощами манговых деревьев. На востоке смутно виднелась линия Гималаев со снежными

вершинами. Вся Индия была на работе в полях, всюду слышался скрип колодезных колес, крики пахарей, шедших за своими животными, и карканье воронов. Даже пони чувствовал благотворное влияние этого утра и чуть было не пустился рысью, когда Ким положил руку на кожаное стремя.

– Я раскаиваюсь, что не дал рупию на храм, – сказал лама, дойдя до последней из восьмидесяти двух бус, составлявших четки.

Старый воин проворчал что-то в бороду, и лама впервые заметил его присутствие.

– Ты также ищешь реку? – спросил он, оборачиваясь.

– День еще только начинается, – послышался ответ. – Какая нужда в реке, кроме той, что из нее можно напиться? Я пришел указать тебе короткий путь на большую дорогу.

– Эту любезность следует запомнить, о благосклонный человек, но к чему эта сабля?

Старый воин имел смущенный вид ребенка, которому помешали в его игре.

– Сабля, – сказал он, вертя ее в руках. – О, это была фантазия старика. Правда, есть приказание полиции, воспрещающее ношение оружия в Индостане, но, – он ободрился и ударил по эфесу, – все констебли вокруг знают меня.

– Это нехорошая фантазия, – сказал лама. – Какая польза в том, чтоб убивать людей?

– Очень малая, насколько я знаю, но если бы дурных людей не убивали временами, на свете не было бы места для беззащитных мечтателей. Я говорю, что знаю, как человек, видевший всю страну на юг от Дели омытой кровью.

– Что же это было за безумие?

– Про то знают только боги, пославшие эту кару. Безумие охватило всю армию, и солдаты восстали против своих офицеров. Это было первое зло, однако оно не

было бы непоправимо, если бы они удержали свои руки. Но они вздумали убивать жен и детей сахибов. Тогда приехали сахибы из-за моря и потребовали строжайшего отчета.

- Кажется, какой-то слух дошел до меня много лет тому назад. Насколько я помню, это называлось Черным годом.

- Какую жизнь вел ты, если не знал об этом годе? Только слух! Вся земля знала и дрожала.

- Наша земля тряслась только раз - в тот день, когда Всесовершенный достиг просветления.

- Гм! Ну, я, по крайней мере, видел, как трясся Дели, а Дели - это центр вселенной.

- Так они восстали против женщин и детей? Это было дурное дело, которое не могло избежать наказания.

- Многие пытались сделать это, но безуспешно. Я был тогда в кавалерийском полку. Он распался. Из шестисот восьмидесяти сабель остались верными, как вы думаете, сколько? Трое. Я был один из них.

- Тем больше чести.

- Чести! В те дни мы не считали это честью. Мой народ, мои друзья, мои братья отвернулись от меня. Они говорили: «Час англичан пробил. Пусть всякий захватит себе небольшой кусок земли». Но я говорил с людьми из Сабраона, Чиллианкаллаха, Мудки и Ферозешаха. Я сказал им: «Обождите немного, и ветер переменится. Нет благословения на это дело». В эти дни я проехал семьдесят миль с одной английской мэм-сахиб (госпожой) и ее ребенком в седле. (Ух! Вот это был конь, годный для мужчины!) Я отвез их в безопасное место и вернулся к моему офицеру - единственному оставшемуся в живых из пяти офицеров нашего полка. «Дайте мне работу, - сказал я, - потому что я отверженный, и моя сабля омочена кровью моего двоюродного брата». «Будешь доволен, - сказал он. - Дела предстоит много. Когда окончится это безумие, будет награда».

– Да, конечно, бывает награда, когда проходит безумие, – почти про себя пробормотал лама.

– В то время не вешали медалей на каждого, кто случайно слышал пушечный выстрел. Нет! Я участвовал в девятнадцати сражениях, в сорока шести кавалерийских стычках, а в маленьких делах – без конца. У меня девять ран, медаль, четыре пряжки и орден, потому что мои начальники, которые теперь все генералы, вспомнили меня, когда было пятидесятилетие царствования императрицы Индии, и вся страна ликовала. Они сказали: «Дайте ему орден Британской Индии». Я ношу его на шее. Я получил также поместье от государства – свободный дар мне и моей семье. Люди того времени – теперь они комиссары – приезжают ко мне во время жатвы, сидя на высоких лошадях так, что все могут их видеть, и мы говорим о былых сражениях. Имя одного умершего ведет к воспоминанию о другом.

– А потом? – сказал лама.

– Потом они уходят, но после того, как их видела вся деревня.

– А в конце концов что ты будешь делать?

– В конце концов я умру.

– А потом?

– Будет, что повелят боги. Я никогда не надоедал им. Не думаю, чтобы и они беспокоили меня. Знаешь, в течение моей долгой жизни я заметил, что люди, постоянно обращающиеся к Тем, Кто наверху, с жалобами, просьбами и слезами, скорее призываются в иной мир; как и наш полковник посылал скорее за распутившимися людьми, которые болтают слишком много. Нет, я никогда не утомлял богов. Они вспомнят это и дадут мне спокойное местечко, где я могу вложить мою саблю в ножны и ожидать времени, когда я смогу приветствовать моих сыновей. У меня их целых три – все майоры в полках.

– И они также подчинены общему круговороту: переходят из одной жизни в другую, от отчаяния к отчаянию, – тихо проговорил лама, – горячие, беспокойные, жадные до удовольствий.

– Да, – с прерывистым смехом сказал старый воин. – Три майора в трех полках. Немного игроки, ну да и я такой же. У них должны быть хорошие лошади, а лошадей нельзя брать, как брали в старое время женщин. Ну, ну, мое поместье может уплатить за все. Как ты думаешь? Поместье мое хорошо орошенное, но служащие обманывают меня. Я умею требовать, только приставив острие копья. Уф! Я сержусь и проклинаяю их. Они делают вид, что раскаиваются, но я знаю, что за спиной они называют меня беззубой старой обезьяной.

– Ты никогда не желал ничего другого?

– Да, да, тысячи раз! Желал снова иметь прямую спину и не согнутое колено, ловкую руку и пронзительный взгляд и все то, чем гордится муж... О прежние дни – чудесные дни моей силы!

– Эта сила – слабость.

– Оказалось, что так, но пятьдесят лет тому назад я доказал бы иное, – возразил старый солдат, всаживая шпоры в худые бока пони.

– Но я знаю реку великого исцеления.

– Я пил воду из Ганга так, что у меня чуть не образовалась водянка. У меня сделался понос, а сил не прибавилось.

– Это не Ганг. Река, которую я знаю, омывает от всякого греха. Тот, кто подыметя по ту сторону ее, может быть уверен в освобождении. Я не знаю твоей жизни, но твое лицо – лицо честного и доброго человека. Ты держался своего пути, оставаясь верным, несмотря на все трудности, в Черный год, рассказы о котором вспоминаются мне теперь. Выйди теперь на Срединный путь, который ведет к освобождению. Выслушай Совершенный Закон и не гонись за мечтаниями.

– Говори, старик, – с улыбкой, слегка отдав честь, сказал воин. – В наши годы все болтуны.

Лама присел на корточки под манговым деревом, от колеблющейся тени которого лицо старика казалось как бы шахматной доской. Солдат неподвижно

сидел на пони. Ким, убедившись, что вблизи не было змей, улегся среди извилистых корней дерева.

Слышалось наводящее дремоту жужжание маленьких насекомых, освещенных лучами горячего солнца, воркованье голубей и монотонный скрип колодезного ворота. Лама начал говорить медленно и внушительно. Через десять минут старый воин соскользнул со своего пони, чтобы лучше расслышать его, и сел, намотав поводья на руку. Голос ламы стал прерываться – периоды становились длиннее. Ким внимательно следил за серой белкой. Когда исчез маленький клочок меха, плотно прижавшийся к ветке, проповедник и слушатель уже крепко спали. Голова старого офицера с резко очерченными чертами лица покоилась на руке, голова ламы, запрокинутая на ствол дерева, казалась сделанной из пожелтевшей слоновой кости. Голый ребенок, переваливаясь, подошел к спящим, некоторое время пристально смотрел на них и, движимый чувством благоговения, почтительно поклонился ламе. Но ребенок был так мал и толст, что свалился набок, и Ким расхохотался, глядя на барахтавшиеся толстые ножки. Ребенок, испуганный и рассерженный, громко заревел.

– Ай! Ай! – сказал старый воин, вскакивая на ноги. – Что это? Какой приказ?.. Это... ребенок! А мне снилась тревога. Не плачь, маленький, не плачь. Неужели я спал? Вот-то было невежливо!

– Я боюсь! Мне страшно! – орал ребенок.

– Чего бояться? Двух стариков и мальчика? Ну, какой же ты будешь воин, князек?

– Это что такое? – сказал ребенок, внезапно переставая кричать. – Я никогда не видел таких вещей. Дай их мне.

– Ага! – улыбаясь, проговорил лама, делая петлю из четок и волоча ее по земле:

– Вот тебе горсть миндаля,

Щепотка кардамона;

Вот ужин для тебя

Из риса и лимона.

Ребенок кричал от радости, хватаясь за темные, блестящие бусы.

– Ого! – сказал старый воин. – Откуда у тебя эта песня, у тебя, презирающего здешний мир?

– Я выучил ее в Патанкоте, сидя на приступочке у двери, – застенчиво проговорил лама. – Хорошо быть добрым к детям.

– Насколько я помню, прежде чем на нас нашел сон, ты говорил мне, что брак и деторождение – гасители истинного света, препятствия на Пути. Разве в твоей стране дети падают с небес? А разве на Пути можно петь эти песенки?

– Нет совершенного человека, – серьезно сказал лама, развязывая петлю из четок. – Беги к матери, малютка.

– Послушай его! – сказал старый воин, обращаясь к Киму. – Он стыдится, что порадовал ребенка. В тебе пропал отличный хозяин дома, глава семьи, брат мой. Эй, дитя! – Он бросил ребенку монету. – Лакомства всегда сладки!

Когда маленькая фигурка, подпрыгивая, исчезла в лучах солнца, он прибавил:

– Они вырастают и становятся людьми. Служитель Божий, мне грустно, что я заснул посреди твоей проповеди. Прости меня.

– Мы оба старые люди, – сказал лама. – Вина моя. Я слушал твой рассказ о мире и его безумии, и одна вина повела за собой другую.

– Послушайте его! Какой вред твоим богам от того, что ты поиграл с ребенком? А песенку ты спел очень хорошо. Пойдем дальше, и я спою тебе песню о Никаль-Сейне (Никольсоне) [9 - Полковник Никольсон убит во время мятежа сипаев при осаде Дели.] перед Дели – старинную песню.

И они вышли из тени мангового дерева. Высокий, пронзительный голос раздавался в поле: в горьких сетованиях развивалась история Никаль-Сейна (Никольсона), до сих пор в Пенджабе поется эта песня.

Ким был в восторге. Лама слушал с глубоким интересом.

Он пропел все до конца, отбивая такт тупой стороной сабли на спине пони.

– А теперь мы выходим на большую дорогу, – сказал он, выслушав комплименты Кима. Лама упорно молчал. – Давно уже я не ездил так далеко, но слова твоего мальчика возбудили меня. Смотри, святой человек, – большая дорога, хребет всего Индостана. По большей части, она окаймлена, как здесь, четырьмя рядами тенистых деревьев, на дороге оживленное движение. Когда не было железной дороги, сахибы разъезжали здесь сотнями взад и вперед. Теперь тут ездят только крестьянские повозки. Налево и направо идут дороги для более тяжелых повозок с хлебом, хлопком, лесом, известкой и кожами. Тут можно идти спокойно, потому что через каждые несколько миль есть полицейский пост. Полицейские – воровы и вымогатели (я сам имел с ними дело), но, по крайней мере, они не допускают соперников. Тут попадаются люди всех каст и состояний. Взгляни: брамины, банкиры, медники, цирюльники, пилигримы и горшечники – все движутся взад и вперед. Для меня это похоже на реку, из которой меня выбросило на берег, как полено после разлива.

И действительно, Индийская Большая дорога – удивительное зрелище. Она идет прямо на протяжении тысячи пятьсот миль и служит главным торговым путем всей Индии. Это такой жизненный поток, какого не существует нигде более на свете. Они смотрели в даль, окаймленную зелеными арками, с пятнами тени на земле; смотрели на ширь белой дороги, усеянной медленно шедшими людьми, и на домик в две комнаты, где помещался полицейский пост.

– Кто здесь противозаконно носит оружие? – со смехом крикнул констебль, увидев саблю старика. – Разве для истребления преступников недостаточно полиции?

– Я и купил ее для полицейской службы, – ответил старик. – Все ли благополучно в Индостане?

– Все благополучно, сахиб.

– Я, видишь ли, похож на старую черепаху, которая высовывает голову и снова втягивает ее. Да, вот дорога в Индостан. Все идут этим путем.

– Сын свиньи, разве мягкая дорога предназначена для того, чтобы ты мог чесать о нее свою спину? Отец всех бесстыдных дочерей и муж десяти тысяч лишенных добродетели, твоя мать была предана дьяволу под влиянием своей матери, у твоих теток в продолжение семи поколений не было носов. Твоя сестра... Какое безумие филина подсказало тебе везти свои повозки по этой дороге? Сломанное колесо! Так вот тебе еще и проломленная голова и сложи их вместе, как тебе угодно.

Голос и зловещие удары хлыста вылетали, казалось, из столба пыли в пятидесяти ярдах от них, где лежала сломанная повозка. Худая, высокая каттиварская кобыла с горящими глазами, фыркающая ноздрями, лягаясь, выскочила из толпы и, понукаемая всадником, понеслась по дороге, преследуя бегущего человека. Всадник был высокий человек с бородой. Он сидел на почти взбесившейся лошади, словно составляя часть ее, и искусно ударял хлыстом свою жертву.

Лицо старого воина озарилось гордостью.

– Мое дитя! – коротко сказал он, пробуя заставить пони изогнуть шею, как следовало.

– Неужели же меня можно бить на глазах полиции? – кричал возчик. – Я добьюсь справедливости.

– Неужели же меня смеет задерживать кричащая обезьяна, которая опрокидывает десять тысяч мешков под носом молодой лошади? Так можно испортить кобылу.

– Он говорит правду. Он говорит правду. Но она хорошо слушается своего господина, – сказал старый воин. Возчик укрылся под колесами повозки и угрожал оттуда всеми видами мести.

– Сильные люди твои сыновья, – спокойно заметил полицейский, ковыряя в зубах.

Всадник в последний раз сильно ударил хлыстом и поехал рысью.

- Отец мой!

Он остановился ярдах в десяти и сошел с лошади.

Старик в одно мгновение спустился с пони, и отец и сын обнялись, по восточному обычаю.

Глава четвертая

О, Фортуна не знатная дама,

Хоть царицей проклятой слывет,

Как беспутная женщина, прямо

Без разбору любовь раздает.

Угождай ей - полюбит другого!

Побежит - не догнать никогда;

А оставишь ее без вниманья -

За тобою помчится тогда.

О, Фортуна! Щедроты без меры

Рассыпай или спрячь от меня.

О тебе не забочусь нимало -

Благосклонность найду у тебя.

Потом они понизили голос и заговорили. Ким собирался отдохнуть под деревом, но лама нетерпеливо дернул его за локоть.

- Пойдем дальше. Здесь нет реки.

- Ой-ой! Разве мы недостаточно прошли за такое короткое время? Наша река не убежит. Терпение, он даст нам что-нибудь.

- Это - Друг Звезд, - внезапно сказал старый воин. - Он принес мне вчера новости. Он видел в видении самого «его», отдающего распоряжения насчет войны.

- Гм! - сказал сын голосом, выходящим из глубины груди. - Он услышал что-нибудь на базаре и воспользовался этими слухами.

Отец рассмеялся.

- Ну, по крайней мере, он не приезжает ко мне, чтобы выпросить нового коня и несколько рупий. Что, полки твоих братьев также получили приказы?

- Не знаю. Я попросил отпуск и поспешно отправился к тебе, чтобы...

- Чтобы они не опередили тебя. О, все вы - игроки и моты! Но ты никогда еще не участвовал в атаке. Тут действительно нужна хорошая лошадь. Для похода нужны также хороший слуга и хороший пони. Посмотрим, посмотрим. - Он барабанил пальцами по эфесу сабли.

- Здесь не место для расчетов, отец мой. Поедем в твой дом.

- По крайней мере, заплати мальчику. У меня нет с собой денег, а он принес важные новости. Э, Всеобщий Друг, ты сказал, что приближается война?

- Да, насколько я знаю, большая война, - спокойно ответил Ким.

- Ну, что же? - сказал лама, перебирая четки.

Он горел желанием отправиться в путь.

– Мой господин не беспокоил звезд из-за платы. Мы принесли новости, будь свидетелем, мы принесли новости и уходим.

Ким слегка подбоченился.

Сын бросил серебряную монету, сверкнувшую в лучах света, и пробормотал что-то о нищих и фокусниках. Этих денег было достаточно, чтобы хорошо прокормить путников в течение нескольких дней. Лама, заметив блеск металла, монотонно пробормотал благословение.

– Иди своим путем, Всеобщий Друг, – слабым голосом проговорил старый воин, поворачивая свою тощую лошадь. – Раз в жизни я встретил истинного пророка, который не служил в армии.

Отец и сын поехали рядом. Старик сидел так же прямо, как и более молодой офицер.

Пенджабский констебль в полотняных желтых штанах, тяжело ступая, перешел через дорогу. Он видел, как пролетела монета.

– Стой! – выразительно крикнул он на английском языке. – Разве вы не знаете о таксе в две анны с головы за каждого, кто выходит на эту дорогу с боковой? За двоих четыре анны. Это приказ сиркара, и деньги тратятся на посадку деревьев и украшение дорог.

– И на желудки полицейских, – сказал Ким, ускользая от протянутой к нему руки. – Поразмысли немного, человек с глиняной головой. Ты думаешь, мы вышли из ближайшего пруда, как лягушка, твоя теща?.. Слышал ли ты когда-нибудь имя твоего брата?

– А кто был он? Оставь мальчика в покое! – крикнул старший констебль. Наслаждаясь этой сценой, он присел на корточки на веранде и закурил трубку.

– Твой брат взял ярлык с бутылки «белайти-пани» (содовой воды) и, приклеив его к мосту, в течение месяца собирал пошлину со всех проезжавших, говоря,

что таково приказание сиркара. Потом один англичанин разбил ему голову. А, братец! Я ведь городской ворон, а не деревенский.

Полицейский в смущении отступил, а Ким преследовал его насмешками всю дорогу.

– Ну был ли кто-нибудь таким чела, как я? – весело крикнул он ламе. – Твои кости лежали бы в земле в десяти милях от города Лагора, если бы я не охранял тебя.

– Иногда я думаю, что ты дьяволенок, – медленно, с улыбкой, проговорил лама.

– Я – твой чела.

Ким приноровился к шагам ламы и пошел той неопишуемой походкой, которой ходят все бродяги мира.

– Ну, идем, – сказал лама, и при пощелкивании перебираемых четок они молча проходили милю за милей. Лама, по обыкновению, погрузился в глубокое раздумье, но блестящие глаза Кима были широко раскрыты. Он думал, что эта широкая, улыбающаяся река жизни являлась значительным улучшением в сравнении с узкими, переполненными народом улицами Лагора. На каждом шагу встречались новые люди и новые картины – знакомые касты и касты, о которых он не имел понятия.

Они встретили группу длинноволосых, омытых благовониями сансисов с корзинами ящериц и других нечистых животных на спинах. Худые собаки, чую присутствие животных, шли по пятам за ними. Эти люди держались своей стороны дороги и шли как бы крадучись, быстрыми шагами. Люди других каст уступали им дорогу, чтобы не оскверниться прикосновением к ним. За ними, широко шагая, держась теневой стороны, еще сохраняя воспоминание о ножных кандалах, шел только что выпущенный из тюрьмы преступник. Толстый живот и лоснящаяся кожа свидетельствовали о том, что правительство кормит своих узников лучше, чем может питаться большинство честных людей. Киму отлично была знакома эта походка, и он упражнялся в грубых насмешках, пока они проходили мимо преступника. Затем мимо них гордою поступью прошел Акали, святоша-сейк с дикими глазами, всклокоченными волосами, в синей клетчатой одежде людей его веры, с полированными стальными кружками, блестящими на верхушке его высокого синего тюрбана конической формы. Он возвращался

из одного из независимых сейкских государств, где воспевал былую славу предков перед учившимися в колледжах князьками в сапогах с отворотами и белых штанах. Ким старался не раздражать этого человека, потому что Акали вспыльчивы и скоры на расправу. Временами им встречались или обгоняли их нарядные толпы сельских жителей, отправлявшихся на какую-нибудь местную ярмарку или возвращающихся оттуда: женщины, держа детей на бедрах, шли сзади мужчин, мальчики постарше гарцевали на стеблях сахарного тростника, таща за собою грубые медные модели локомотивов, продающиеся за полпенни, или направляли дешевыми игрушечными зеркалами лучи солнца в глаза старших. Сразу можно было видеть покупки, сделанные на ярмарках, если же оставалось какое-нибудь сомнение, то стоило только взглянуть на жен, которые, вытянув смуглые руки, сравнивали между собой свои новые браслеты из тусклых бус, получаемые с северо-запада. Веселые прохожие шли медленно, подзывая друг друга, останавливаясь, чтобы поторговаться с продавцами сладостей, или помолиться перед каким-нибудь из придорожных жертвенников – иногда индуским, иногда мусульманским, – к которым низшая каста обеих религий относится с полнейшим беспристрастием.

Длинные синие ряды, подымавшиеся и опускавшиеся, словно спина быстро ползущей гусеницы, пробивались сквозь дрожащую пыль и проходили, сопровождаемые громким смехом и шутками. То была толпа женщин, которые работают на насыпях северных железных дорог, – клан полногрудых носильщиц земли в синих юбках, с плоскими ногами, сильными руками. Они торопились на север, узнав, что там есть работа, и не теряли времени по дороге. Они принадлежат к касте, в которой мужчины не имеют никакого значения. Шли они, широко расставив локти, покачивая бедрами и высоко поднимая голову, как подобает женщинам, носящим тяжести.

Несколько позже на Большой дороге появилась брачная церемония с музыкой и криками, с запахом златоцвета и жасмина, заглушавшим даже запах испарений и пыли. Видно было, как носилки невесты – красные с блестками – качались в тумане и как украшенный венком пони жениха повернул в сторону, чтобы ухватить клочок сена из повозки проезжего крестьянина. Ким присоединился к фейерверку пожеланий и грубых шуток, желая новобрачным сто сыновей и ни одной дочери, как говорит пословица. Еще больше интереса и криков вызвало появление бродячего фокусника с плохо обученными обезьянами, еще одного, с задыхающимся, слабым медведем, женщины с привязанными к ногам козьими рогами, танцевавшей на слабо натянутом канате. Лошади шарахались в сторону, и громкие, пронзительные крики изумленных женщин оглашали воздух.

Лама все время не подымал опущенных глаз. Он не замечал ни ростовщика, поспешно ехавшего на пони, чтобы собирать свои безжалостные проценты, ни маленькой, громко кричащей низкими голосами толпы туземцев-солдат, еще только начинавших обучаться военному делу и получивших отпуск. Они радовались, что освободились от штанов и мундиров, и говорили самые ужасные вещи почтеннейшим женщинам. Он не видел даже продавца воды из Ганга, а Ким ожидал, что он, по крайней мере, купит бутылку этого драгоценного напитка. Лама упорно смотрел в землю и непоколебимо шел час за часом, душа его витала где-то в другом месте. Но Ким был на седьмом небе от радости. В этом месте Большая дорога шла по насыпи, устроенной для предохранения от потоков, стремившихся с гор зимой. Насыпь немного возвышалась над окружавшей ее местностью и представляла собой величественную террасу, откуда была видна Индия, простиравшаяся направо и налево от него.

Чудесно было видеть тянувшиеся по проселочным дорогам повозки с зерном и хлопком, в каждую из которых было запряжено по несколько волов, слышен был приближающийся скрип их осей, раздававшийся сначала за милю. С криками, визгом и ругательствами подымались возчики на крутой склон и направлялись к твердой главной дороге, осыпая бранью друг друга. Красиво было также наблюдать за молодыми, которые маленькими группами красного, синего, розового, белого и желтого цвета сворачивали с дороги, чтобы идти в свои селения, видеть, как они рассеивались и шли по два-три человека по равнине. Киму очень нравилось все это, хотя он не мог выразить своих чувств и потому довольствовался тем, что часто покупал очищенный сахарный тростник и усердно выплевывал сердцевину на дорогу. Лама временами нюхал табак. Наконец, Ким не мог более вынести молчания.

– Хорошая здесь страна – южная страна! – сказал он. – Хорош воздух, хороша вода! А?

– А все они все-таки подчинены Колесу Всего Сущего, – сказал лама. – Связаны переходом от одной жизни к другой. Никому из них не указан Путь. – Он насильно заставил себя вернуться в здешний мир.

– А теперь мы прошли долгий путь, – сказал Ким. – Наверно, мы скоро придем к какому-нибудь «парао» (место отдыха). Остановимся мы там? Солнце склоняется к закату.

– Кто примет нас сегодня вечером?

– Не все ли равно? Эта страна полна добрых людей. К тому же, – он понизил голос до шепота, – у нас есть деньги.

Толпа увеличивалась по мере того, как они приближались к «парао», представлявшему собой конец их путешествия на этот день. Ряд палаток, в которых продавалась очень простая пища и табак, поленница дров, полицейский пост, колодец, водопой для лошадей, несколько деревьев и под ними истоптанная земля, покрытая черной золой от костров, – вот отличительные признаки «парао» на Большой дороге, если не считать голодных нищих и таких же голодных воронов.

К этому времени солнце уже начало бросать свои длинные, холостые стрелы сквозь нижние ветви манговых деревьев. Попугаи и голуби сотнями возвращались домой; шум и суматоха в ветвях указывали, что ночные птицы собирались в свои похождения. Свет быстро угасал, окрасив на мгновение лица людей, колеса повозок и рога быков в кровавый цвет. Потом наступила ночь, изменив направление ветра: низкой, ровной дымкой, похожей на легкую синюю вуаль, она затянула лицо земли, принесся сильный, отчетливый запах леса, скота и вкусных пшеничных пирожков, жаренных на золе. Вечерний патруль поспешно вышел из полицейского участка, важно покашливая и повторяя приказания. Древесный уголь в чашечке трубки возчика горел ярким красным пламенем. Ким машинально наблюдал за мерцанием последних лучей солнца на медных щипцах.

Жизнь в «парао» очень походила на жизнь в Кашмирском караван-сараяе, только в меньших размерах. Ким окунулся в счастливый азиатский беспорядок, среди которого нетребовательный человек, если будет иметь терпение, найдет все, что ему нужно.

Требований у него было мало: так как у ламы не было кастовых предрассудков, то им годилась любая пища из лавочки, но он позволил себе роскошь: купил кизяка, чтобы разводить огонь. Расхаживавшие вокруг небольших костров люди требовали масла, хлеба, сладостей, табаку, толкались, дожидаясь очереди, у колодца. Из остановившихся закрытых повозок среди мужских голосов слышались громкий визг и хихиканье женщин, лица которых не должны были быть видны публике.

Современные образованные туземцы считают, что, когда их женщины путешествуют – а они очень часто ездят в гости, – лучше везти их по железной дороге в хорошо закрытом купе, и этот обычай распространяется в стране. Но всегда остаются люди старого толка, держащиеся обычаев предков, и, главное, всегда бывают старухи, более консервативные, чем мужчины, которые к концу своих дней отправляются в паломничество. Так как они высохли и не могут вызывать желаний, то, в некоторых случаях, не отказываются снимать покрывала. После долгого заточения, во время которого им, впрочем, приходилось соприкасаться по делам с тысячами внешних интересов, они любят шум и движение на открытой дороге, собрания у жертвенников и возможность бесконечной болтовни с единомышленницами-вдовами. Часто для какой-нибудь многострадальной семьи бывает очень удобно, чтобы старая женщина с бойким языком, железной волей ходила таким образом по Индии, потому что паломничество, несомненно, угодно богам. Во всех частях Индии, в самых отдаленных, как и в самых бойких местах, встречается кучка седых слуг, машинально охраняющих старую женщину, более или менее укутанную в покрывала и скрывающуюся в запряженной волами повозке. Это почтенные, осторожные люди, и, когда вблизи находится европеец или туземец высшей касты, они окружают порученную им женщину целой сетью самых утонченных предосторожностей. Вообще же старой женщине бывает не чуждо ничто человеческое. Ким заметил нарядно убранную семейную повозку с вышитым балдахинном, с двумя шатрами, похожую на двугорбого верблюда и запряженную волами, которые только что привезли ее в «парао». Ее сопровождало восемь человек, двое из которых были вооружены заржавленными саблями – явный признак, что они сопровождали какое-нибудь значительное лицо, так как простые люди не носят оружия. Из-за занавесей слышался все увеличивавшийся шум жалоб, приказаний, шуток и, как показалось бы европейцу, ругани. Очевидно, то была женщина, привыкшая властвовать.

Ким критически оглядел ее свиту. Половину составляли тонконогие, седобородые урья из южной части страны. В другой половине были горцы с севера в одеждах из шерстяной материи, в войлочных шляпах. Эта смесь говорила сама за себя, если бы даже Ким не подслушал постоянных препирательств между двумя отрядами. Старая дама ехала в гости на юг, вероятно, к богатому родственнику, почти наверно к зятю, который прислал ей конвой в знак уважения. Горцы были ее соплеменниками из Кулу или Кангры. Ясно было, что она не везет дочь, чтобы выдать ее замуж, иначе занавеси были бы крепко затянуты и стража не подпускала бы никого близко к повозке. «Веселая и смелая дама», – думал Ким, подбрасывая кусок кизяка одной рукой, а в другой держа приготовленное кушанье и подталкивая плечом ламу, чтобы

провести его через толпу. Может быть, из этой встречи и выйдет что-нибудь. От ламы нельзя ожидать помощи, но Ким, как добросовестный ученик, попросит за двоих.

Он развел огонь насколько возможно ближе к повозке, в ожидании, что кто-нибудь из слуг прогонит его. Лама устало упал на землю, словно отяжелевшая летучая мышь, и снова принялся перебирать четки.

– Отойди подальше, нищий! – крикнул один из горцев на ломаном индостанском языке.

– Ух! Это только «пахари» (горец), – сказал Ким через плечо. – С каких пор горные ослы владеют Индостаном?

В ответ послышался быстрый и блестящий очерк родословной Кима за три поколения.

– Ах! – Голос Кима был особенно нежен: он ломал кизяк на мелкие куски. – В моей стране это называется началом любовного разговора.

Раздавшийся за занавесями тихий, грубый смех подбавил энергии горцу для второго выстрела.

– Не так дурно, не так дурно, – спокойно проговорил Ким. – Но берегись, брат мой, чтобы мы – мы, говорю я – не вздумали проклясть тебя за это. А наши проклятия имеют обыкновение попадать в цель.

Урья расхохотался. Горец с угрозой выскочил вперед. Лама внезапно поднял голову, его громадная широкополая шляпа четко вырисовывалась при свете огня, только что зажженного Кимом.

– Что такое? – сказал он.

Горец остановился, как бы окаменев.

– Я... я спасен от большого греха, – пробормотал он.

– Чужестранец нашел наконец жреца для него, – шепнул один из урья.

– Эй! Почему не отколотили хорошенько этого мальчишку-нищего? – крикнула старуха.

Горец отошел к повозке и шепнул что-то. Наступило мертвое молчание, затем тихое перешептывание.

«Все идет хорошо», – подумал Ким, делая вид, что ничего не видит и не слышит.

– Когда... когда он поест, – льстиво сказал горец Киму, – то некто просит Служителя Божия сделать ему честь и поговорить с ним.

– После того как он поест, он будет спать, – высокомерно сказал Ким. Он не вполне еще понимал, какой новый оборот приняла игра, но решил воспользоваться им. – Теперь я достану ему пищи. – Последняя фраза, громко произнесенная, закончилась вздохом как бы от слабости.

– Я, я сам и другие из моего народа позаботятся об этом, если будет дозволено.

– Дозволено, – еще высокомернее проговорил Ким. – Служитель Божий, эти люди принесут нам пищу.

– Страна хороша. Вся южная страна хороша – великий и страшный мир, – сонным голосом проговорил лама.

– Оставьте его спать, – сказал Ким, – но позаботьтесь, чтобы нас хорошенько накормили, когда он проснется. Он очень святой человек.

Опять один из урья презрительно сказал что-то.

– Он – не факир. Он не нищий из нижней страны, – строго продолжал Ким, обращаясь к звездам. – Он – самый святой из святых. Он выше всех каст. Я его ученик.

– Пойди сюда, – сказал низкий слабый голос за занавеской, и Ким подошел, чувствуя, что на него пристально смотрят невидимые ему глаза. Худой, смуглый

палец, покрытый кольцами, лежал на краю повозки. Начался разговор.

- Кто этот человек?

- Замечательный святой. Он идет издалека. Он идет из Тибета.

- Где Тибет?

- За снегами - очень далеко. Он знает звезды. Он составляет гороскопы. Он читает предзнаменования. Но он делает это не ради денег, он делает это из доброты и великого милосердия. Я - его ученик. Меня зовут также Друг Звезд.

- Ты не горец?

- Спроси его. Он скажет, что я был послан ему со звезд, чтобы указать конец его паломничества.

- Гм! Помни, мальчишка, что я старуха и не совсем глупая. Я знаю лам и с благоговением отношусь к ним, но ты такой же ученик его, как мой палец - дышла моей повозки. Ты - индус без касты - смелый, бесстыдный попрошайка, приставший к святому человеку, вероятно, из-за наживы.

- А разве все мы работаем не из-за наживы? - Ким быстро приноровил тон разговора к изменившемуся тону старухи. - Я слышал, - то была пущенная наугад стрела, - я слышал...

- Что ты слышал? - резко оборвала она, стуча пальцем.

- Не помню хорошенько, какой-то разговор на базаре, вероятно, ложь, будто даже раджи - маленькие горные раджи...

- Но все же хорошей крови раджи.

- Конечно, хорошей крови. Так вот, даже эти раджи продают своих самых красивых женщин ради наживы. Они продают их на юг...

Ничто так страстно не отрицают маленькие горные князья, как именно это обвинение. Но этому вполне верят на базарах, когда там обсуждается вопрос о таинственной торговле рабами в Индии. Старая дама сдержанным, полным негодования шепотом точно объяснила ему, какой он зловерный лжец. Если бы Ким намекнул на это, когда она была девушкой, то в этот же вечер был бы убит хоботом слона.

– Ай! Ай! Я ведь только мальчик-нищий, попрошайка, как сказала «Глаз Красоты», – стонал он с преувеличенным ужасом.

– «Глаз Красоты», скажите пожалуйста! Кто я, что ты можешь бросать мне свои нищенские нежности?

А все-таки она рассмеялась при давно забытых словах. Это можно было сказать лет сорок тому назад, и довольно верно. Да, даже тридцать лет тому назад. Это постоянное шатание взад и вперед по Индостану виной тому, что вдова раджи должна встречаться со всяким сбродом и служить предметом насмешек для нищих.

– Великая королева, – быстро проговорил Ким, чувствуя, что она вся дрожит от негодования, – я действительно такой, каким меня считает великая королева, но мой господин тем не менее святой человек. Он еще не слышал приказаний великой королевы.

– Приказание?.. Я могу отдать приказание святому человеку!.. Учителю закона – прийти поговорить с женщиной! Никогда!

– Пожалей мою глупость. Я думал, что это было приказание...

– Нет. То была мольба. Поможет ли вот это объяснить дело?

Серебряная монета звякнула о край повозки. Ким взял ее и отвесил глубокий поклон. Старая дама признала, что его следует умиловить, как глаза и уши ламы.

– Я только ученик святого человека. Когда он поест, он, может быть, придет.

– О, противный, бессовестный мошенник! – униженный драгоценностями палец погрозил Киму, но он расслышал прерывистый смех старухи.

– Ну, что это? – сказал он, переходя к своему обычному ласковому и уверенному тону, которому, как он знал, мало кто мог противостоять. – Не нуждается ли твоя семья в сыне? Говори откровенно, потому что мы, жрецы... – последняя фраза была явно заимствована у одного факира у Таксалийских ворот.

– Мы, жрецы! Ты еще недостаточно стар, чтобы... – она остановилась и закончила шутку смехом. – Поверь мне, раз и навсегда, о жрец, мы, женщины, думаем о многом другом, кроме сыновей. К тому же у моей дочери родился ребенок мужского пола.

– Две стрелы в колчане лучше одной, а три еще лучше. – Ким проговорил поговорку, покашливая в раздумье и скромно опустив глаза в землю.

– Верно, о, верно. Но, может быть, так и будет. Конечно, эти брамины совершенно бесполезны. Я посылала им подарки, деньги и снова подарки, и они пророчествовали.

– А, – протянул Ким с бесконечным презрением, – они пророчествовали! – Профессионал не мог бы выразить больше презрения.

– И только тогда, когда я вспомнила моих богов, молитвы мои были услышаны. Я выбрала благоприятный час, и, может быть, святой человек слышал о настоятеле Лунг-Чосского монастыря? Я обратилась к нему, и вот в свое время случилось то, чего я желала. Брамин в доме отца сына моей дочери говорил, что это произошло благодаря его молитвам – маленькая ошибка, которую я разъясню ему, когда мы достигнем конца нашего путешествия. А потом я поеду в Буддах-Гайя, чтобы принести жертву за отца моих детей.

– Мы идем туда.

– Вдвойне благоприятное предзнаменование, – прошептала старая дама. – По крайней мере, второй сын!

– О, Всеобщий Друг! – Лама проснулся и просто, как ребенок, удивленный, что лежит в чужой кровати, позвал Кима.

– Иду! Иду, Служитель Божий! – Он бросился к костру и нашел ламу, окруженного блюдами. Горцы относились к нему с видимым обожанием, южане имели угрюмый вид.

– Убирайтесь! Прочь! – крикнул Ким. – Разве мы едим публично, как собаки?

Они закончили ужин в молчании, несколько отвернувшись друг от друга. На закуску Ким выкурил туземную сигаретку.

– Не говорил ли я сотни раз, что юг – хорошая страна? Вот здесь добродетельная, высокорожденная вдова горного раджи. По ее словам, она отправляется в паломничество в Буддах-Гайя. Она присылает нам эти блюда, а когда ты хорошенько отдохнешь, она желала бы поговорить с тобой.

– И это тоже твое дело? – спросил лама, запуская глубоко руку в бутылку из тыквы, наполненную табаком.

– А кто же оберегал тебя с тех пор, как началось наше чудесное путешествие? – Глаза Кима весело бегали, когда он выпускал из ноздрей едкий дым, который стелился по пыльной земле. – Разве я не заботился, чтобы тебе было удобно, Служитель Божий?

– Да будет благословение над тобой. – Лама торжественно наклонил голову. – В моей долгой жизни я знавал многих людей и немало учеников. Но ни к одному из людей – если только ты рожден от женщины – не влекло так мое сердце, как к тебе – внимательному, мудрому и любезному, но все же несколько напоминающему дьяволенка.

– А я никогда не видел такого священнослужителя, как ты. – Ким внимательно разглядывал все морщины желтого лица. – Нет еще и трех дней, как мы идем вместе, а мне кажется, что прошло уже сто лет.

– Может быть, в одной из прежних жизней мне было дозволено оказать тебе какую-нибудь услугу. Может быть, – он улыбнулся, – я освободил тебя из

западни, или, поймав тебя на крючок в то время, когда я не был просвещен, я бросил тебя в воду.

– Может быть, – спокойно сказал Ким. Он часто слышал такие предположения из уст многих людей, которых англичане не считали наделенными воображением. – Что касается женщины в повозке, запряженной волами, то, я думаю, она желает второго сына для своей дочери.

– Это не относится к Пути, – со вздохом сказал лама. – Но, во всяком случае, она с гор. Ах, горы и снег гор!

Он встал и пошел к повозке величественной походкой. Ким отдал бы уши, чтобы пойти за ним, но лама не пригласил его, а некоторые слова, долетавшие до него, были на неизвестном ему языке, потому что они говорили на наречии горцев. По-видимому, женщина задавала вопросы, на которые лама отвечал после обдумывания. Иногда до Кима доносилась цитата на китайском языке. Сквозь опущенные веки Ким видел странную картину. Лама стоял, выпрямившись во весь рост, причем глубокие складки его желтой одежды прорезали черные полосы при свете костров, горевших в «парао», совершенно так же, как длинная тень от солнца прорезает узловатый пень дерева. Он говорил, обращаясь к лакированной, украшенной мишурой повозке, которая горела, при мерцающем освещении, как разноцветный драгоценный камень. Рисунки на вышитых золотом занавесках то подымались, то опускались, изменяясь по мере того, как складки колебались от ночного ветра. Когда разговор становился оживленнее, покрытый драгоценными камнями указательный палец точно раскидывал блестящие искорки между вышитыми занавесками. За повозкой из глубины мрака выступали светящиеся точки и еле уловимые тени движущихся фигур и лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Коровье масло, особым образом обработанное, по-туземному.

2

Высший дух, не достигший еще степени Будды.

3

Ананда – любимый ученик Будды.

4

Рупия – 1 фунт стерлингов 10 шиллингов.

5

Человек среднего класса, горожанин.

6

Анна – монета, 1/16 рупии.

7

Буддийская молитвенная фраза.

8

Мундиры английских войск.

9

Полковник Никольсон убит во время мятежа сипаев при осаде Дели.

Купить: <https://telnovel.com/redyard-kipling/kim>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)